

ЛИЛА
КАТТЕН

СОВРЕМЕННЫЙ

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

ТАЙНАЯ

Дома

ДЛЯ ЧЕМПИОНА

Ли́ла Каттен
Тайная дочь для чемпиона
Серия «Травмированная
любовь», книга 3

*<https://litres.ru/74069518>
SelfPub; 2026*

Аннотация

В моих дрожащих руках оказался тест на беременность, с которым я отправилась прямо в комнату к Богдану. Поправив форму горничной, я вошла и обнаружила внутри его родителей, лечащего врача и его самого — мрачно сгорбившегося в инвалидной коляске.

— Что? — сухо потребовал он, поймав мой некогда счастливый взгляд.

— Что происходит?

Он говорил холодным и грубым голосом. Тем, которым общался со мной с первого дня. До того, как между нами всё изменилось.

— Можешь оставить свои надежды и проваливать. Ясно?

— Я вернусь, когда ты успокоишься и будешь готов поговорить.

— Отлично, значит, мы больше никогда не увидимся.

Мы не поговорили позже, потому что он не захотел. А когда меня всё это достало, я пришла в тот дом и рассказала о беременности его матери.

— Это хорошая новость. Я расскажу ему, Милана.

Невысказанное «но» повисло в воздухе.

Прошло три года, и он наконец пришёл поговорить, но я больше не хотела слушать.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	31
Глава 5	42
Глава 6	55
Глава 7	68
Глава 8	82
Глава 9	88
Глава 10	100
Глава 11	112
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Ли́ла Каттен

Тайная дочь для чемпиона

Глава 1

Каждый шаг по гладко уложенной кофейного цвета тротуарной плитке давался тяжело. Этому не было объяснения. Просто атмосфера вокруг особняка Фетисовых была слишком напряженной. Машины приезжали и уезжали. Суетились люди, охрана и другие работники поместья. Автоматически поддавшись этой суете, я сама казалась запыхавшейся. А было всего восемь утра.

Войдя через дверь для персонала, коим я и являлась здесь, меня тут же подхватила Ольга и потащила в крыло первого этажа, отведенного для горничных, поваров, охраны и всех, кто был ответственен за содержание огромной территории и не менее огромного особняка, возвышающегося в центре.

– Ты чего так долго? – прокричала она шепотом.

– Долго? – ответила я ей так же тихо, с трудом поспевая за ней. – Я приехала вовремя. Как обычно. А вот что тут происходит, я бы хотела знать. Да поскорее.

– Ты серьезно?

Она остановилась посреди коридора и развернула меня к себе за плечи.

– Ты не слышала, что ли?

– Да о чем, Оль? Я едва переступила порог, поздоровалась с охранником и все.

– Вчера была гонка в Остине. Забыла? – она смотрит на меня как на первую в мире обладательницу второй головы.

Каждый раз точно такая же реакция.

– Боже, я ненавижу гонки и не слежу за этой «Формулой-1», так что можешь рассказывать сразу, без вступлений.

Я ненавижу в принципе транспорт. Но гонки и скорость меня пугают так, что я начинаю задыхаться. Мой отец много лет назад чуть не погиб в страшной аварии и долго... очень долго был прикован к инвалидному креслу. У нас с мамой и братом не было денег оплачивать дорогие лечебницы и занятия с личными реабилитологами. Все что нам давало государство, мы использовали по полной. Но оно давало мало.

Слава богу, интернет уже существовал. Поэтому мы активно им пользовались. Если честно, смотря назад в те времена, когда каждый день был для папы и нас пыткой, я не знаю, каким образом мы смогли все преодолеть. И главное, каким образом он снова стал ходить. С костылями, потом с тростью, конечно, но это больше, чем мы могли себе представить.

Так что, если меня спросят, считаю ли я скорость и эти чертовы гонки самоубийством или вызовом смерти, я не раз-

думывая отведу: да.

– До сих пор не верю, что ты не смотришь их. Ладно. В общем, там на трассе что-то случилось, – она перешла на еще менее слышный шепот, или же это я перестала слышать достаточно хорошо после ее слов «что-то случилось».

– Хозяйский сын... – прошептала я.

– Говорят, что все плохо. Очень плохо. Алевтина Викторовна прилетела сюда сразу же и раздает указания. Андрей Николаевич остался с Богданом.

Мне можно было бы гордиться тем, что я работаю на хозяев, чей сын – мировая знаменитость автоспорта. Он не первым из российских пилотов уверенно вошел в «Формулу-1». Он еще и уверенно получал очки от одной гонки к другой.

Может быть, я и не смотрю новости спорта, но я их слышу. Ведь в этом доме отовсюду говорят о знаменитом и подающем надежды Фетисове Богдане. Говорили даже, что он может стать чемпионом в этом сезоне. Оставалось всего пять этапов до окончания. Он прошел двадцать. И вот к чему это привело.

– Боже, – сорвалось с моих губ.

– Да. Я смотрела отрывки из новостей. Это все британец. Во всяком случае так говорят.

Из-за угла коридора показалась высокая фигура нашей хозяйки, и мы резко отпрянули друг от друга.

На лице Алевтины Викторовны не было никаких эмоций, кроме собранности... и печали, что пряталась за этим фаса-

дом.

– Милана, ты наконец приехала. Собери свои вещи. С этого дня ты работаешь в доме моего сына вместе с Ольгой. С прежней оплатой, но скорректированным графиком смен, о котором вы узнаете позже. У сына горничных не было, так как он большую часть времени проводил в поездках, а когда возвращался, уборкой занимался клининг.

– А...

– Прошу, без вопросов. Это были тяжелые сутки. В особняке Богдана начнется ремонт, как только дизайнер нарисует... в общем, следите за порядком. К приезду Богдана все должно быть в идеальном состоянии.

– А когда он... приедет? – вопрос сорвался с губ и прозвучал так глупо. Но было поздно бить себя за это.

Всегда собранная и деловая женщина сейчас смотрела на меня разбитым взглядом, так что у меня потянулись к ней руки, чтобы обнять. Но я сдержала этот неуместный порыв.

– Я не имею ни малейшего понятия. Вас отвезет водитель. Экономка Богдана покажет вам все. Я приеду после обеда.

Когда она развернулась и быстрыми, но словно пьяными шагами стала удаляться, я не сдержалась.

– Мне очень жаль, что с вашим сыном такое произошло.

Хозяйка замерла, и ее плечи опустились буквально на секунду. Затем она развернулась к нам вполоборота и посмотрела прямо на меня.

– Спасибо. Но пусть это будут первые и последние слова о

нем, что ты скажешь таким тоном и употребишь этот набор. Богдан слишком упрям и целеустремлен, чтобы принять жалость. Он скорее примет вызов.

– Простите, – тут же осеклась я и опустила голову.

Когда ее шаги стали тише и вовсе исчезли, мы с Олей выдохнули.

– Это было...

– Как они это переживают, – перебив мысль подруги, произнесла я.

– Так говоришь, словно у них есть выбор. Давай, пошли собираться.

Личных вещей, что мы хранили на работе, было немного. Порой были смены, когда гости хозяев задерживались или оставались на время, и нам приходилось ночевать в поместье. Поэтому у нас есть комнаты с кроватями и парой тумб, чтобы привести себя в порядок с утра и быть в форме. Собственно, поэтому на сборы ушло не больше пяти минут, и я снова оказалась на улице с Ольгой под руку.

Водитель Фетисовых на одной из машин их огромного автопарка встретил нас и указал на дверь. Затем сам же ее открыл. Он напоминал тех самых водителей из фильмов, только нашему не хватало усов, а вот фуражка была при нем.

Дом Богдана Андреевича был поменьше, чем у его родителей. В чем-то проще. Но он все еще был из тех, на которые смотришь, проезжая мимо, и выворачиваешь шею.

Три этажа. Мрамор то тут, то там. Плитка вместо асфальта

и много деревьев, объединенных в большой сад с садовыми дорожками между ними.

– Красота, – восхитилась Ольга. – Ладно, пойдем. Дел, наверное, уйма.

Она сделала шаг вперед, и тут я вспомнила, что не задала последний вопрос.

– Слушай, Оль.

– Ась? – остановилась тут же.

– А вот ремонт делают к приезду хозяина, и вся эта подготовка, зачем? Все действительно плохо? Что за последствия у аварии, известно уже?

– Еще бы, – фыркнула она. – Считаю смерть для автогонщика, Мил.

– Не говори так. Ничего дороже жизни нет.

– Не для мужчины, который с семи лет мечтал быть в Ф-1. Почувствовать это и потерять.

Ее слова заставили напрячься. Мозг уже подбирал варианты травм, возможно, обходя главную.

– Ну так что за травма?

– Позвоночник. Готовят первый этаж к коляске, Мил.

Я открыла рот, но дыхание застряло в районе груди, и слова тоже. Потому что... это для любого человека огромное испытание.

– Вот и я о том же, – грустно подытожила Оля, видя мое понимание, и пошла вперед.

Глава 2

Ремонт в доме Фетисова-младшего был масштабным. Перестройка потребовалась во всем левом крыле. За месяц убрали пороги между комнатами (на всем первом этаже) и сделали широкие проемы), всем необходимым снабдили спальню, ванную и небольшую гостиную. Также оборудовали тренажерный зал и массажную комнату.

Алевтина Викторовна контролировала каждый этап и согласовывала любые изменения лично. Насколько я знала, Богдана уже привезли в Россию. Поэтому женщина теперь появлялась чаще.

Закончив с уборкой на третьем этаже, который теперь будет использоваться куда реже, если вообще будет, я спустилась на первый и услышала, как хлопнула дубовая входная дверь.

– Эй, почему меня никто не встречает? – послышался высокий женский голос. И так как на горизонте не было ни единой души, ведь мы только и делали, что мыли и терли что-то целыми днями, избавляя дом от любой строительной пыли, я преодолела небольшой холл и вышла навстречу гостье.

Ей оказалась высокая брюнетка. Я бы сказала, что в ней было два метра роста, особенно на тех убийственных каблук-ках, которыми она постукивала, направляясь ко мне, словно локомотив.

Она была одета в нюдовый костюм с теми самыми модными широкими брюками и уже снимала короткое пальто, которое тут же полетело мне в лицо.

– Чего застыла?

Каблуки поцокали дальше, оставляя следы осенней грязи, образовавшейся после проливного октябрьского дождя. Половину прошлого вечера я выглядывала в окно и надеялась, что дождь прекратится. Но с утра по величине луж я поняла, что закончился он лишь на рассвете.

– Вы оставляете следы, – сказала я растерянно.

– Что? – девушка развернулась и посмотрела на грязь от своей обуви. – Так вытри немедленно, – фыркнула она и пошла дальше к лестнице, по которой я только что спустилась.

– Стойте, – я последовала за ней. – Куда вы? Кто вы такая?

– Милана? – меня позвала экономка Богдана Андреевича – Зоя Лукьяновна.

Она была милой и приятной женщиной шестидесяти лет, окутывающей атмосферой тепла и уюта, словно ты оказываешься в доме бабушки и наслаждаешься ее присутствием.

– Камилла, добрый день, – посмотрела она на девушку, которая пыталась стереть меня с лица земли своим презрением.

– Научите свой персонал узнавать важных людей, входящих в этот дом, – ответила она, не потрудившись поздороваться, и стала подниматься по лестнице.

Я подошла к женщине ближе и, чуть склонившись к уху,

прошептала:

– Кто это?

– Беда, – ответила она со смешком. – Давай повесим пальто и выпьем чаю.

– А она?

– О ней не беспокойся. Небось за вещами приехала. Что ей теперь еще делать, коль Богдан невыездной будет. Вечеринки и показы никто не отменял.

– Стойте, так она... с ним? – моему удивлению не было предела.

«Ну почему мужчины ведутся на подобных женщин, отрицая все хорошее в тех, кто способен дать гораздо больше, чем длинные ноги и шикарные волосы?»

Зоя Лукьяновна махнула рукой и пошла дальше. Я хоть и сделала то же самое, но все равно оборачивалась периодически, словно эта Камилла могла внезапно появиться позади и ударить.

Работая в доме Фетисовых, я, конечно, встречала их сына, но никогда не видела его девушку. Это Ольга знала все и отслеживала, я – нет. Меня популярность, мягко говоря, пугала... с некоторых пор.

После ужасного инцидента два года назад с бывшим женихом и моим позорным увольнением из школы я старалась быть тихой. Не то чтобы я была звездой до этого. Но те, кто связан с образовательной системой, точно узнали бы меня, замелькай я вдруг на экране.

– Ну что, как прошла встреча с мадам Фетисовой? – Оля усмехнулась, опускаясь на стул за накрытый для нас стол молодым, не очень разговорчивым поваром Каем.

– Стойте, так она его жена? – мое недоумение вышло на новый уровень.

– В мечтах, – ответили Зоя и Ольга в голос.

– Она, конечно, представляется невестой Богдана, но никто кольца все еще не видел. Даже помолвочного.

– Потому что его нет, – отрезала Зоя Лукьяновна.

Этот факт заставил меня рассмеяться, несмотря на собственный опыт и отмененную свадьбу. Но при воспоминании о прошлом по телу пробежала внезапная дрожь, и я содрогнулась.

– Ты чего? Холодно?

– Немного, – солгала я, и Кай тут же подошел к окну, чтобы его прикрыть. – Так вы думаете, что она собирается уйти и больше не претендовать на кольцо, о котором мечтала?

– Статус ей нужен, а не проблемы «колясочника», – экономка посмотрела на нас строго, словно мать, отчитывающая за что-то ребенка. – Мой мальчик как сел в это кресло, так и встанет с него, вот увидите, – с холодной убежденностью пресекла любые дальнейшие разговоры и присоединилась к нам за столом.

Не успели мы закончить трапезу, упомянутая вначале разговором девушка без кольца вошла к нам и с отвращением втянула воздух.

– Боже, почему тут так воняет?

Мы посмотрели на нее, но отвечать никто не торопился.

– Кай, кофе. Ты, спусти мои вещи.

Она говорила с нами, словно мы были грязью под ее ногтями.

– Меня зовут Милана.

Не знаю, почему я лезла на рожон. Но отчего-то захотелось, чтобы больше не звучало это пренебрежительное «ты».

– Извини? У меня десять минут. Машина у входа.

Оставив после себя стойкий аромат мерзости, она ушла.

– Милана, – позвала меня Зоя Лукьяновна и, когда я посмотрела на нее, продолжила. – Люди, которых ты встретишь в этом доме или где-то еще, могут быть неприятными. Но нужно понимать, когда необходимо отстаивать свое имя, а когда это бессмысленно. Этот случай с Камиллой из второй категории. Ей ты ничего не докажешь, а работу потеряешь за зря.

– Я понимаю, просто... это неприятно.

Я проработала у Алевтины Викторовны почти полтора года и ни разу не сталкивалась с подобным отношением. В крайнем случае ее гости просто делали вид, что нас не существует.

– У тебя есть мысленное пространство и воображение, куда ты в этом пространстве можешь попросить пойти неприятного человека.

Я хихикнула и кивнула.

– Вы правы.

– Просто улыбайся. Но никогда не забывай о границе, когда ты обязана отстоять себя. Мы для них обслуживающий персонал и второй, а то и третий сорт. Но свою гниль они маскируют дорогим парфюмом.

В приподнятом настроении я пошла на второй этаж, где раньше была главная спальня Богдана, откуда мы вынесли привычные ему вещи, кубки и одежду и расположили в той, что теперь на первом этаже.

Два небольших чемодана кричащего розового и неоново-желтого цвета стояли в самом центре. Благо они на колесиках, поэтому я взяла их и спустила вниз, затем вытащила на улицу и подошла к кроваво-красной маленькой машине. Не в смысле, что это был тип машин-табуреток, или как их называют. Эта была спортивной, низкой и блестящей даже в эту серую погоду со значком вставшей на задние ноги лошади.

Охранник подошел ко мне. Открыл багажник и сложил туда чемоданы, а я пошла внутрь, так как ветер был отвратительно холодным.

– Милана? – позвала меня Оля.

– Да.

– Ты на третьем закончила?

– Да.

– Хорошо, пройдишь по крылу Богдана. Там сегодня вешали картины. Вдруг осталось что-то.

– Конечно.

Дойдя до спальни, протерев на всякий случай весь пол паровой шваброй, я случайно ударилась бедром о выступ специальной кровати, и ключи от подсобки и прочих дверей этого дома, связанные браслетом с бусинками (подарок от моих учеников), рассыпались по полу.

– Ох, только не это, – застонала я и опустила на колени, чтобы собрать проклятые бусинки, начиная с тех, что закатились под кровать.

Потянувшись, как я решила, за последней, позади меня раздался громкий, злой голос, принадлежащий мужчине.

– Какого черта ты здесь делаешь? И кто ты такая?

Подпрыгнув на месте, я бьюсь головой о железную раму кровати.

– Ай!

Пячусь назад, все так же на четвереньках и с красным лицом, больной головой и растрепанными волосами, встаю, развернувшись.

Передо мной в инвалидном кресле сидел Фетисов Богдан Андреевич. Несостоявшаяся звезда «Формулы-1» и, кажется, ненавидящий меня с первой встречи, судя по его злому выражению лица.

– Вон отсюда! – чуть ли не крича, приказал он, и я поспешила убраться из его комнаты и крыла с бешено колотящимся сердцем.

Глава 3

Я бежала так быстро, что, когда наконец остановилась, обнаружила себя стоящей на кухне.

Мое сердце билось как у пойманной в клетку птицы и вот-вот разорвалось бы, пробеги я еще немного.

– Ты в порядке? – раздался голос Кая, и я кивнула, сделав глубокий вдох. – Что случилось? Выглядишь будто убежала от стаи собак.

– Кое-что похуже. Встретилась с хозяином этого дома.

– О, Богдан вернулся? – его брови взмыли вверх.

– Ты тоже не ожидал, что это произойдет сегодня, не так ли?

– Мы ждали его на следующей неделе. По крайней мере, так говорила его мать.

– Ну, он дома, злой и сказал мне убираться вон. Планирую так и поступить.

Он с пониманием поджал губы и посмотрел за мою спину.

– Здравствуйте, Алевтина Викторовна.

– Здравствуй, Кай. Ты не мог бы оставить нас с Миланой наедине?

Я тут же обернулась на ее голос и с некоторым испугом ждала, что же это будет. Увольнение? Возвращение к ней в дом? Признаюсь, этого я бы и хотела.

Она слышала все произошедшее минутой ранее, так как,

когда я выбежала из спальни ее сына, и она и ее муж были там.

– Давай сядем?

Она с милой улыбкой и очень даже располагающей указала на стол, где есть персонал. Я кивнула и последовала в ту сторону.

Мы сели напротив друг друга. Я молчала, она, скорее всего, подбирала слова.

– Во-первых, я прошу прощения за поведение моего сына, – я кивнула, давая понять, что извинения приняты. Вряд ли я получу их от хама. – Я не оправдываю его грубость, но прошу понимания.

– Простите?

– Сейчас... Богдан очень уязвим.

Как только она сказала мне это, я тут же прикрыла глаза и отвернулась к окну.

Когда мой папа оказался в таком же положении, он был взрослым мужчиной, у которого были жена и двое детей. И хоть он был кормильцем для нас, это не то же самое, я полагаю, что лишиться возможности ходить для более молодого парня с кучей амбиций. И все же... это для любого стресс, страх и боль.

Мой отец впадал в уныние. Когда нам озвучивали цифры за лечение, мы ужасались и теряли надежды. Это страшно – хотеть ходить, знать, что возможность есть, но нет средств.

Порой он психовал. Но он всегда сдерживался.

– Извините меня, ради бога, но я не смогу работать в этом доме, если меня каждый раз будут окрикивать и прогонять за попытку убрать комнату или помыть пол.

– Это как раз второе, что я хотела сказать. Я предупрежу всех, кто работает в этом доме, и ты первая, что даже если он будет убедителен в своей просьбе уйти – не делайте этого. Ни в коем случае.

– И терпеть это?

Мое удивление достигло потолка.

Она не могла говорить серьезно, потому что есть предел человечности и хамства.

– Я поговорю с Богданом, Милана. Этот этап пройдет, меня предупредил врач о его злости. Прошу.

Конечно, он сейчас привыкает к новым обстоятельствам. Его раздражает малейшее сочувствие и внутри бунт. Но я-то не виновата. И все же, мне здесь хорошо платят. Алевтина Викторовна была ко мне снисходительна на этапе обучения, и я могу хотя бы попытаться отплатить ей тем же.

– Чисто ради любопытства, а у вас все еще можно остаться работать? А сюда новую горничную вместо меня нанять?

Она улыбнулась, и это был ее ответ.

– Только поговорите с сыном.

– Обязательно. Но все претензии, пожалуйста, озвучивайте.

– Поверьте, я так и сделаю.

– Спасибо.

Она вышла, а Кай вернулся на кухню.

– Кофе? Чай? Лимонад?

– Холодно для лимонада. Давай чай с лимоном.

– Как скажешь. Вопрос решили?

– Да. Она попросила не увольняться, даже если хозяин будет настоятельно об этом просить.

Кай усмехнулся, а я вот не нашла в этом ничего смешного.

– Он нормальный мужик.

– А сколько ему, кстати?

– Тридцать шесть.

– Ого, и правда мужик. В нормальности я сомневаюсь, – прошептала последнее, сложив ладони трубочкой.

– Я серьезно. А как работодатель еще лучше. Он платил мне даже пока отсутствовал месяцами.

– О, ну это класс. А вот характер...

– Думаю, это сейчас он такой. Сама подумай.

– Да знаю я, что это такое. Но ты бы слышал, как он орал.

Я туда больше ни ногой. Ольгу отправлять буду.

Кай усмехнулся.

– Что?

– Да так.

– Что? Говори уже.

Он взял обе наши чашки и поставил на стол: одну передо мной, вторую для себя и сел на то же место, где недавно сидела Алевтина Викторовна.

– Ну, Богдан немного упрямый, тут лгать не стану. Но ты

бы могла из него это упрямство выбить своим упрямством в ответ.

– Мне это не нужно, – фыркнула я и взяла чашку, тут же обжигая губы. – Ауч...

– Как пожелаешь.

Молчаливые минуты потекли одна за другой, пока я пила свой остывающий чай, но мысли витали вокруг слов Кая.

Дело в том, что я порой тоже не прочь принять вызов.

– Ладно. Что у тебя на уме?

– Потом скажу.

– Ты готов был сказать это минуту назад.

– А теперь не готов. Подожди немного.

Настаивать я не стала. К нам присоединилась Оля и Зоя Лукьяновна, а еще пара мужчин из охраны. Кай накрыл на стол, и, когда мы уже заканчивали, вошел молодой парень.

– Всем привет.

– Эм... привет, – поздоровались мы с ним, смотря во все глаза.

– Ребята, это реабилитолог Богдана Андреевича – Николай, – представила нам его Зоя Лукьяновна. – Это горничные Милана и Ольга. Повар – Кай. Охрана этой смены – Валерий и Юрий. С другой познакомлю завтра.

– Очень приятно.

– Милана, Оля, можно вас?

Парни стали общаться между собой, а мы втроем отошли в другой угол кухни.

– Теперь работаете посменно. Богдан уже дома, а строительные работы завершились. Второй и третий этажи убирать только по субботам с мытьем полов, по средам лишь пыль. Субботу можете делить пополам, как вам будет лучше, только предупредите меня. Туда подниматься никто не будет, поэтому не вижу смысла каждый раз там тряпками махать. Единственное, если Алевтина и Андрей решат остаться на ночь, я предупрежу заранее, но лучше, чтобы комната была всегда готова.

– Конечно. Как скажете.

– На этом все. График могу помочь составить.

При слове «график» мой план отправлять Олю убирать крыло Богдана-грубияна рухнул.

– Разберемся, – ответила Оля за нас двоих.

– Кстати, а что там у вас стряслось? Я слышала крик.

– Это был не мой крик. Хозяин застал меня в своей комнате и разорался.

– Он мальчик с характером. Успокойтесь.

– Он-то может и успокоится, а я стану заикаться к тому моменту.

Зоя Лукьяновна обняла меня за плечи и рассмеялась.

– Погоди немного.

Все об этом твердили так уверенно.

Но когда я с утра приехала на работу в свою смену, так как мы решили работать с Ольгой через день, вошла в спальню Богдана, пока тот был на своих тренировках, и стала уби-

раться, только выйти не успела незамеченной. Он, потный и тяжело дышащий, въехал на коляске в комнату и уставился на меня.

– Опять ты? Я что, непонятно сказал вчера?

Все в этом тоне было пропитано отвратительной желчью, которая фонтанировала из него каждый раз, когда он открывал рот.

Первая реакция на подобный тон? Попытка договориться, разумеется.

Господи, я работала учителем. Сколько упрямых детей я видела за свой короткий стаж работы? Очень много. Хватило в общем. Когда ребенок упрямится, я не могу идти лоб в лоб и упрямитесь в ответ. Я ищу обходной путь, чтобы он шел на контакт.

– Я просто... – пытаюсь ответить, но куда там.

Мистер «я-ненавижу-весь-мир» настроен решительно и просто перебивает, словно мой лепет ему не интересен и во-все, как и тот факт, что я умею говорить.

– Я тебя уволил. Почему ты еще здесь?

– Прошу про...

– Что бы ни говорила моя мать, здесь хозяин я, – продолжает он меня отчитывать. – И я решаю, кто будет работать в моем доме и мыть полы в моей комнате. Если я сказал, что тебя здесь быть не должно, значит, я именно это и имел в виду.

– Так это монолог или диалог? Я могу что-то сказать в

ответ или перебьете снова?

Он скидывает с плеч полотенце, обнажая жилистый торс, покрытый потом, и проезжает мимо меня.

«Это что, его ответ? Ладно».

Я разворачиваюсь, вытаскиваю тряпку из стойки для уборки, которую тащила за собой, и полироль для мебели и других поверхностей.

Он все еще отвернут и остановился у комода, из которого достает какие-то вещи. Я же прохожу мимо и, брызнув на подоконник, начинаю его протирать.

– Ты... ты что делаешь, рыжая?

В ответ на его «рыжая» я разворачиваюсь, открыв рот.

«Как он смеет?»

Фетисов выглядит так, словно сам от себя не ожидал подобного. Но не предпринимает попыток извиниться или что-то в этом роде. Но нашу битву взглядов прерывает смешок, донесшийся от двери.

Мы оба смотрим туда и видим его тренера, реабилитолога. Или кто он там такой.

Коля опускает кулак, будто прокашлялся, и подходит к коляске Богдана.

– Я смотрю, ты и впрямь в настроении. Поехали, я помогу. Милана, простите его. Он встал не с той ноги.

Услышав мое имя, Богдан поворачивает ко мне голову, а может, из-за того, что я почти рассмеялась с шутки. Убирает руки реабилитолога с ручек и едет в ванную с шипящим «Я

сам».

Когда дверь захлопывается за ним, я вздрагиваю.

Видит бог, я не такая храбрая, как выглядела сейчас. С такими людьми контактировать очень сложно. Хотя причину их такой власти я даже не понимаю. Они всего лишь имеют много денег.

– Послушайте...

– На «ты» со мной, пожалуйста. Уверена, мы одного возраста или около того.

– Не вопрос, – кивает мужчина. – Он вспыльчив. Люди, прикованные к коляске, грубы, потому что видят то, чего нет.

– Надо же, – усмехаюсь. – И что, например? – складываю руки на груди.

– Они видят жалость к себе. С характером, подобным его, жалость = преступлению.

– Ну, я знаю человека, который был на его месте, и он никогда не проявлял агрессию и хамство. Ни к близким, ни к незнакомым людям. А гордости в нем, как и храбрости, побольше будет.

– Милана, я понимаю. Просто постарайся не обращать внимания.

– Он рычит мне прямо в ухо, это действует на нервы.

– Тем более не обращай внимания. Он должен понять, что ты тот еще оловянный солдатик.

– Да? – качаю головой. – Вот только я работаю здесь. И

работаю горничной, а не нянькой.

Взяв тряпку и полироль, бросаю их в тележку и ухожу.

Остаток дня я не сталкивалась с ним ни разу. Лишь слышала ворчание, когда убирала неподалеку, но совету Николая все же прислушалась и просто не обращала внимания.

Следующий день я провела, убираясь в своей съемной студии. Со всеми этими переменами в доме Фетисовых я словно упала в чашу со стрессом и только что из нее выбралась.

Пока я убирала квартиру, за окном лил дождь. И, как всегда, глядя на лужи за окном, я представила, как грязно будет завтра, да еще и холодно.

Сев за стол с чашкой чая, позвонила маме. Узнала, как у них с отцом дела. Что Егор получил хорошую работу, и на душе стало теплее. Брат у нас отличником был и в школе, и в институте. Поступил на бюджет и закончил его этим летом, получив красный диплом.

Три месяца он был стажером в IT-компании. Теперь он официально зачислен в штат.

– Здорово, мам. Думаю, никто из нас не сомневался в его умениях.

Стало немного стыдно.

Конечно, я не своими руками сделала то, что не сотрешь. И все же... я лишилась возможности гордиться собой и слышать, как горды за меня родители. Но они всей истории, слава богу, не знают. Я бы никогда не смогла посмотреть род-

ным в глаза или заговорить.

– Согласна. Как у тебя дела?

Мама работала горничной много лет. Сейчас у нее большие ноги, и она сидит дома. Она меня и пристроила к Фетисовым по знакомству.

Конечно, кто-то мог бы сказать, что с дипломом и любовью к работе с детьми не идут в горничные. Но когда рушится жизнь и будущее, люди ищут тихое место. Я такое нашла. Да еще и не за копейки, что было бы, устройся я по объявлению или через агентство.

– Отлично. Так же работаю у сына Фетисовых.

– Бедный мальчик, – вздыхает мама. И я уже почти открываю рот, чтобы сказать ей о том, какая скотина этот «бедный мальчик», но решаю ее не тревожить лишний раз.

Справляюсь ведь.

– Ладно, дочка, буду одеваться. Отец пришел из гаража.

– Куда это вы вечером едете? Романтический ужин?

Мама смеется.

– Куда уж. Сапоги купить нужно и мне и твоему отцу.

– Боже, я сама забыла про эту покупку.

Вспоминаю мокрый носок после последнего дождя и лопнувшую подошву.

– Давай мы за тобой заедем?

– Мам, ну куда через весь город по вечерним пробкам? Езжайте. А я тут на месте в ТЦ зайду.

– Ну, смотри сама.

– Все, люблю вас. Папе привет.

– И мы тебя, милая. Будь осторожна.

– И вы тоже.

Быстро собравшись, обрадовавшись, что дождь хотя бы на время прекратился, выхожу из дома.

В торговом центре ищу единственный магазин с приемлемыми ценами на обувь и спускаюсь на нулевой этаж. Делаю ту самую покупку, остановив выбор на осенних полусапожках с коротким начесом, так как у меня часто мерзнут ноги и долго согреваются, выбираюсь на первый этаж.

На этом хорошая часть дня завершилась, потому что по прямой, двигаясь на меня, шел человек, разрушивший мою жизнь. С ним шел второй человек, который просто добил.

Мой бывший жених-предатель Артем и моя лучшая подруга Оксана. Да, все до безвкусицы банально и жалко.

Теперь к этому прибавим выпуклый живот негодяйки, на который она демонстративно положила ладонь и широко улыбнулась.

Было ли мне больно спустя два года? Безусловно. Но не потому, что люди, которые готовы ударить в спину, ушли из моей жизни. Мне было больно за неспособность восстановить статус и рабочее уважение.

Они стали сбавлять ход, словно я планировала с ними поздороваться и поболтать. Однако я, не колеблясь ни секунды, прошла мимо.

Может быть, внутри меня все еще рвало на части их пре-

дательство и последствия их поступков, но внешне они будут знать, что я оправилась и иду вперед.

Глава 4

Богдан

На моих висках выступил пот, пока я переключал скорость, и мой болид снова вырвался вперед. Глаза ловили происходящее рядом. А «шпилька» уже показалась в пределах ста метров.

Напряжение в мышцах рук покалывало аж до самых кончиков пальцев.

Зажав кнопку, я попытался войти в крутой поворот, но внезапно потерял управление и сцепку с трассой. Затем мир стал вращаться, пока не провалился в черную, беспроглядную мглу.

Глаза распахнулись, и воздух, сжатый в тугий комок, вырвался кашлем из моего горла. Тело дрожало и было мокрым, а глаза жгло.

– Черт... – прокряхтел я, облакачиваясь на локоть и подтягивая тело вверх по этой долбанной кровати для инвалидов. Для таких как я.

Чертовы привычки. Чертовы ноги. Чертова жизнь.

В такие моменты, как сраные сны, я просыпаюсь в поту, на адреналине и ощущаю боль во всем теле. Всего на секунду... одну единственную секунду я прежний человек. А потом я пытаюсь пошевелиться, и жизнь мощным броском о землю

возвращает меня в реальность. Возвращается и память.

Я всегда собранный, не склонный к импульсивности и чрезмерной агрессии человек, теперь совсем другой. Злости во мне столько, что я не знаю, куда ее деть.

Я ем и злюсь, сплю и снова злость. Даже когда вижу других людей, кто часто действовал умиротворяюще, – сразу злость. И дело не только в том, что я не хочу видеть в их глазах жалость, сожаление. Я должен был стать чемпионом. Я почти им стал. Но вместо кубка я получил перелом проклятого позвоночника и коляску.

За дверью послышался шорох. Затем стук в соседней комнате. Но я не шелохнулся. И даже когда вошла мама, я даже не посмотрел в ее сторону. Только стук каблуков давал понять, из какого угла в какой она ходит.

– Доброе утро, сынок.

– У меня ощущение, что в моем доме завелись тараканы.

– Ты не можешь называть людей такими словами. Они заботятся о чистоте в твоём доме.

– Да. Этим как раз должна заниматься клининговая компания. Господи, ты даже садовника наняла.

– Не нанимала, – отмахивается она, отодвигая шторы на втором окне и впуская слишком яркий солнечный свет в мою комнату. – Это сын Павла.

– Сын твоего садовника? Господи, у них там династия садовников? – я закрываю лицо ладонями и стону.

– Прекрати. И не смей так с ними себя вести. Будь благо-

дарен.

– Цифры в чеке – моя благодарность.

– Богдан, – она понижает голос. – Бедная девочка уже боится тебя.

– Рыжая? – тут же приподнимаю с подушки голову.

Она сужает глаза и делает то самое выражение лица с губами в одну линию и напряжением во всем теле.

– Ладно, – тяну я, садясь с перекатом на локоть. Крепко держась за поручни.

– Николай уже допивает кофе и скоро будет здесь, – мама мнетя, и я смотрю на нее с подозрением. – Помочь с...

– Нет, – резко отвечаю ей, и она, натянув на лицо улыбку, подходит, чтобы оставить поцелуй на макушке.

– Я люблю тебя, сынок.

Дождавшись, пока закроется дверь, я сжимаю стальную конструкцию как можно сильнее.

Вот об этом я говорил. Мне не нужна помощь. Мне нужно, чтобы меня оставили в покое. Это разве много?

Коля входит навеселе с пончиком в зубах.

– Привет.

Мы с ним не были близкими друзьями. Но знали друг друга. Тусовка в целом тоже одна. Тем более Камилла любила быть в центре внимания, где и когда угодно, поэтому мы с ним часто пересекались, когда я не был за границей.

– Ты хоть что-то оставляешь в холодильнике? – недовольно ворчу на него, но ему плевать, судя по ответной на мои

слова улыбке.

– Тебе все равно нельзя это есть. Готов?

– Да.

Он помогает мне сесть в коляску, так как я пока еще не в состоянии вытворять подобные финты. Но колеса я кручу в сторону комнаты для занятий сам.

Занятия идут дерьмово.

Мышцы ноют. Тело словно деревянное.

– Не психуй.

Не желая нагрубить другу, стараюсь сдержаться и промолчать. Но когда снова ничего не выходит, я крепко ругаюсь и падаю на спину.

– Все это чушь. Все это, – толкаю железяки и остаюсь лежать на матах, смотря в потолок. – Это все не имеет смысла.

– Если ты так говоришь, тогда какого черта я встаю так рано и прихожу сюда? У меня три пациента с тобой. Что я здесь делаю, Богдан?

Он впервые говорит со мной в таком тоне. И я понимаю, что достал его своим поведением. Если честно, злость и меня утомляет. А ведь я на начальном этапе. В самом начале пути, и я не имею понятия, какой длины этот путь.

– Ладно, чувак. Извини.

– На сегодня все. Сейчас разомнем мышцы и в душ.

– Хорошо.

Он не заставляет укладываться на кушетку для массажа, а наоборот, сам садится ко мне на маты и принимается за

разогрев мышц, которые никуда не годятся.

– Думаешь, я смогу снова ходить? – срывается с моих губ вопрос.

– Травма не самая приятная, Богдан. Но все получится.

– Ненавижу эти «но».

– Иначе ты расслабишься, а я не хочу натаскивать твою чемпионскую задницу слишком долго.

– Пошел ты, – фыркаю на него, и мы оба смеемся.

Закончив пораньше, я сажусь в кресло с его помощью, потому что мышцы сейчас еще более слабые, чем обычно.

– Помочь? – спрашивает он, когда я останавливаюсь перед открытой дверью.

– Позову, когда закончу в душе.

– Я здесь.

Кивнув, я заезжаю, и он закрывает дверь. Затем, услышав тихий напев из ванной, качусь ближе и, толкнув дверь, наблюдаю, как рыжая моет прозрачные стекла душа. Ее длинные волосы собраны в высокий хвост, и локоны, скользя по ее спине, облаченной в платье горничной, падают то в одну, то в другую сторону, словно змеи ржавого цвета. Но стоит ей дойти до проклятого стула, который я использую для мытья, замирает. Замирает и все мое тело. Дыхание задерживается в легких. Но когда она касается пальцами металлических линий, сгорбившись, я не выдерживаю.

– Что, думаешь о том, каково это – быть инвалидом? – мой голос отскакивает от серых стен.

Она резко дергается от испуга. Визжит и чуть не падает на мокрой плитке. Однако удерживается, схватившись за специальный поручень, вмонтированный в стену. Выпрямившись, рыжая смотрит на меня с испугом и... болью. Опуская взгляд на ноги и обратно.

– Вычеркни проклятую жалость из своего взгляда, – почти ору я.

Зеленые глаза тут же собирают всю тьму, на которую она способна. Пухлые от природы губы распахиваются, а малочисленные веснушки на лице становятся ярче.

– Да с какой стати я должна жалеть огромного, молодого мужчину? Только потому, что ноги не ходят? – заявляет она сердито, а я немного теряюсь.

Может, мне и показалось, что она закончила, то все верно... показалось. Рыжая наполняет легкие воздухом и продолжает:

– Сломано не все тело. Руки-то целы? Голова цела. Тело двигается. Есть возможность встать и снова пойти летящей походкой. Так почему я должна вас жалеть?

От подобной речи я начинаю закипать.

– Какого... – вот только все, что мне удастся вставить, это лишь одно слово. Она снова говорит, и ее голос, кажется, повышается на полтона каждую секунду.

– Да, это не то же самое. Но вы вообще в курсе, как поднимаются другие люди? Они тоже не просят жалости. Не прощают ее. Так их и не жалко. На них смотришь с восхищени-

ем и даришь поддержку. Строишь не с жалостью, а с обидой, что это с ним произошло. Но это ведь не значит, что все кончено. А вы тут со своей жалостью. «Ой, не смотрите на меня», – кривит она и лицо, и голос, делая его писклявым. – Я убираться сюда хожу, а не сестру милосердия играю. Так что прекратите уже меня прогонять или... или кричать.

Ее зрачки начинают бегать по не очень большому пространству ванной. Видимо, она уже поняла, что говорила, как и с кем.

Моя злость улетучивается за секунду, оставляя на лице только кривую и наглую ухмылку. Назовем ее «победоносной».

– Рад, что ты все поняла после своей никчемной речи. Забирай свою тряпку и проваливай из моего дома.

Откатившись назад, я указываю рукой на проход.

Она смотрит на меня не очень решительно. И я уже думаю, что сейчас начнется парад слез, женских штучек по типу: «Я не хотела», «Простите». Но веснушке удастся и тут меня удивить. Она бросает тряпку на мой стул в душевой. Выходит из нее. Затем, пройдя мимо меня, исчезает за дверью комнаты.

– Какого хрена это было? – бормочу я и, подъехав к порогу своей комнаты, захлопываю с силой дверь.

От этого хлопка у меня что-то словно взрывается в голове и остается там болевой пульсацией.

– Черт, – хватаюсь за ободки коляски и закрываюсь в ван-

ной комнате. Не на замок, конечно. Мама позаботилась о том, чтобы у меня не было никакого уединения под благим намерением «безопасности ради».

Душ не приносит облегчения. Тело очень слабое, а после тренировок и массажа особенно. Поэтому, позвав Николая, без слов позволяю ему помочь мне лечь на постель и быстро засыпаю. В этот раз без сновидений. Из-за тех кошмаров я стараюсь спать меньше. Но проживать потерю единственного, что было в моей жизни ценного и того, что вдохновляло, двигало вперед, – пытка.

Воспоминания о первом заезде. О первой победе и мысли, которая стала стимулом для заезда длиной в годы жизни, отданные этому спорту, кружат в голове постоянно. Они как лишенное смысла доказательство, что именно я потерял в том заезде.

Буду ли я способен снова оказаться на трассе? Буду ли готов повторить гонку в Ф-1. Потому что я не хочу быть чемпионом наполовину. Спортсменом, который так и остался в шаге от кубка.

Из мыслей и поверхностного сна меня выдергивает шорох в комнате.

Шторы задвинуты, и потому в комнате достаточно темно.
– Ма? – хриплым ото сна голосом зову ее, приподнимая голову и рассматривая силуэт в углу комнаты.

– Можешь называть меня как угодно, – сексуальным и одновременно отвратным голосом шепчет Камилла.

– Господи, какого черта ты здесь делаешь?

Она резко бьет по стене ладонью, и загораются все лампы разом, отчего в глазах вспыхивает боль.

– Твою мать, Камс, – закрываю лицо ладонью.

– О, так ты меня все-таки узнал?

– Боже, – накинув на голову одеяло, удерживаю его что есть силы, услышав, что она перемещается по комнате. Зная Камиллу, уверен, она тут же сдернет одеяло с моего тела, чего я не хочу. – Ты забыла какие-то вещи и пришла за ними?

– Я пришла за тобой, дурачок.

– Я не твоя сумочка или туфли. Если это все...

– Заткнись и прекрати вести себя как обиженный мальчишка.

На это заявление у меня нет никакого заявления, кроме смеха.

– Ты смеешься надо мной?

Убрав одеяло с лица, я смотрю на то, как она с интересом разглядывает мою новую кровать и комнату. Уверен, мысль, чтобы заняться сексом на этом чудовище железном, у нее даже не появлялась. По взгляду ясно все без слов.

– Удивительно, но да. Раньше ты меня рассмешить не могла.

– Перестань, – отмахивается она и подходит ближе. Ближе, но недостаточно, чтобы хотя бы прикоснуться ко мне, словно я заразный. – Я узнала, что ты дома и приехала тебя навестить.

Она выставляет напоказ свою фигуру, подтянутую грудь и шелковистые волосы. Обдает шлейфом подаренных мной духов, но стоит от меня в километре, давая еще больше пояснений своего нахождения в моей комнате и моем доме.

– Учитывая тот факт, что ты пулей улетела из Остина, когда я еще даже не вышел из-под наркоза. Забрала вещи из дома. И вот, я уже неделю как дома. А ты решила меня навестить? Что это за слово такое в твоём лексиконе?

– Богдан, я была напугана. Это я стояла среди зрителей и смотрела на твою искореженную машину. Ты не можешь судить меня так строго. Да, я забрала вещи, но находиться здесь без тебя было просто невыносимо. Я была напугана.

– Ты это уже говорила.

– В общем, я пришла в себя.

«Она издевается надо мной?!»

– Ты ведь в курсе, что у меня есть телефон?

– И? Ты о том, что я не звонила? Но и ты не был особо разговорчив. Хоть бы раз написал. Ноги не ходят, но руки... – я смотрю на нее, фактически дыша огнем. – Прости, я...

– Ты месяц загорала на проклятых Мальдивах или Кубе, мне плевать.

– Я должна была успокоиться. Боже, я тебя чуть не потеряла.

Ее визг отдается разом ото всех стен комнаты и в моей черепной коробке.

– Ты никогда не была дурой, не начинай быть ей и сейчас.

Внезапно дверь комнаты открывается и входит Зоя Лукьяновна.

– Прости, Богдан. Я быстро.

Она пронесится по комнате и резко дергает шторы, закрывая их, потому что Камилла открыла их назло, пока я прятался под одеялом.

– В чем дело?

– Парни из охраны уже прогоняют их.

– Господи, кого?

Экономка смотрит строгим материнским взглядом на Камиллу. Та – на нее. Затем на меня и отвечает:

– Журналисты.

– Какого... – И тут до меня доходит. Она позволила сделать им фотографии на входе, чтобы общественность не заклевала бедолагу за такой скорый разрыв с колясочником. – Я ведь говорил, что душой ты никогда не была. Пошла вон.

– Милый, – резко срывается она и пытается подойти ближе, но Зоя ее останавливает, схватив за руку. – Ай!

– Предупредите охрану, маму и всех, кто здесь работает, чтобы ее сюда не пропускали. Никого, черт подери, чтобы не выпускали.

Последние слова я уже почти орал, а Зоя Лукьяновна тащила по комнате Камиллу.

Не то чтобы я не мог поверить в ее поступок. Просто не ожидал, раз она забрала вещи. Пиар-ход. Боже. Как жалко для нее и как унижительно для меня.

Глава 5

Милана

Меня редко будят ночные звонки. Во всяком случае, после пережитого ужаса с бывшим и стыда, когда мой номер телефона стал доступен многим старшеклассникам, которые обрывали его днем и ночью, пока я не сменила номер, не было такого давно.

Подскочив на кровати, схватила смартфон в руки и выдохнула, увидев номер Оли. Но после облегчения подкрался страх. Почему она звонит в три ночи?

– Да? – ответила ей, прижав телефон к уху.

– Милан, привет.

Ее голос был болезненным.

– Привет. Ты заболела?

– Черт знает. Но я в нескольких минутах от того, чтобы увидеть свой желудок.

– Ох, нет.

– Ага. Меня с восьми часов рвет. Наверное, ротавирус. Думала, может, жирный ужин тому виной, но во мне не осталось ни ужина, ни выпитой воды.

– Мне жаль.

– В общем, я хотела попросить...

– Можешь не делать этого. Я выйду за тебя и завтра, и

сколько нужно.

– Точно?

– Разумеется. Поправляйся и на всякий случай обратись в больницу. Обезвоживание, знаешь ли, вещь опасная.

– С утра позвоню дежурному врачу. Ох, кажется, меня...
– дальше слышался ее бег и не самые приятные звуки, прежде чем я отключила вызов.

– Боже, – упала на постель, но затем поднялась и прошла на кухню. Выпила стакан воды и услышала стук по металлическому подоконнику. – Может, хватит уже дождя? – проворчала, смотря на окна, по стеклам которых стекали толстые струи воды, и пошла обратно в кровать.

Утром забег по лужам был тем еще приключением. Но, с успехом преодолев его, я у ворот столкнулась с Николаем, который приехал на работу.

– Привет. Не рановато?

– Доброе утро. У меня есть дела, поэтому сегодня пораньше освободиться нужно. Садись, до двери как минимум триста метров.

– Сомневаюсь. Не больше пятидесяти, пожалуй, так что пройду, но спасибо за предложение.

Он пожал плечами и с широкой улыбкой поехал дальше, а я последовала за ним.

Коля дождался меня у входа и придержал дверь.

– Если хочешь, я буду тебя по утрам подвозить. Мне не сложно. Встаю рано, так что...

– Не стоит, спасибо. Утренние маршрутки и автобусы меня не страшат.

– Второй отказ за одно утро, чем я заслужил гнев богов.

Его слова вызвали во мне смех. И хоть мужчина был красивым, интересным, даже милым, я не была готова к отношениям или, чему-то такому с кем-либо.

– Не принимай на свой счет.

– О, стало легче. Спасибо.

Разошлись мы у коридора. У него была своя комната. У нас своя. Переодевшись в форму, я вышла из комнаты и направилась на кухню.

Кай уже готовился спасти человечество и заканчивал варку огромного чайника кофе.

– Ты?

– И тебе доброе утро.

– А Ольга?

– Надеюсь, ты не против моей компании?

– Нисколько. Давай за стол.

– Спасибо. Оля приболела. Так что я полагаю, эта неделя полностью за мной.

– Она в порядке?

– Надеюсь. Мы с ней не созванивались с утра. Но ночью она не была в порядке точно.

– Ясно.

Он поставил две чашки на стол и сел напротив.

– Это лучший кофе, который я пила в своей жизни. И это

не лезть.

– Весь секрет в зернах.

– Я полагаю, мне не суждено узнать фирму кофе и все такое?

– Ни за что.

– Я должна была попробовать.

Сделав еще один глоток кофе, поняла, что парень не пошевелился ни разу.

– Что? – вскинула брови кверху, обнаружив на себе его изучающий взгляд.

– Как с Богданом дела?

– У кого? У меня? – я ткнула пальцем в свою грудь.

– Ага.

– У меня с ним нет никаких дел. Даже зарплату перечисляет Алевтина Викторовна.

– Ты поняла, о чем я.

– Пфф, – выдохнула и облокотилась на спинку стула. – Если честно, я решила не обращать на него внимание. Но знаешь, когда он начинает говорить со мной, я просто срываюсь. И самое забавное, я учитель начальных классов. Я само спокойствие. У меня были такие бунтари, что другие учителя были готовы купить новые нервные клетки. И вот я задаюсь вопросом, почему этот человек меня так сильно... эм... задевает?

Кай смотрит не моргая, а потом, не сказав ни слова, просто улыбается.

– Ты вроде как хотел поговорить? Задал вопрос и все такое.

– Ты сама поняла, что нужно делать.

– Да? Я хотела уволиться. Два раза. И оба раза меня уговорили остаться.

– Просто не дай ему победить.

– Мы не участвуем в гонке. Я прихожу сюда работать.

– Везде гонка, Милана. Здесь, в школе, ресторане. Ты просто не всегда понимаешь это. Но гонка не прекращается.

Он закончил говорить и, словно поставив точку, встал из-за стола со своей чашкой.

– Что ж, было приятно поговорить.

– Помни про свое упрямство, когда отправляешься в ту часть дома.

– Отличный совет.

Я убралась с кухни. Приготовила тележку и поднялась на второй этаж. В эти выходные родители Богдана оставались здесь, поэтому первым делом я иду убираться в их комнате. На это уходит час. Еще час на полы в коридоре и лестнице. И только сейчас, когда я оказалась в холле между гостиной и развилкой на два крыла, вспомнила, что занятия у Фетисова должны быть уже закончены.

– О нет, – застонала я, услышав шаги по коридору со стороны комнат Богдана.

– Привет, – Коля улыбнулся и перекинул свою сумку с левого на правое плечо. – Ты в порядке?

– Ага. Вы закончили?

– Да. Поэтому я уже убегаю. Пока.

– Хорошего дня.

Отправившись в прачечную комнату, о которой можно было только мечтать... Здесь хранились все моющие средства, предметы для уборки, глажки, а также вся техника, что требовалась нам в помощь.

Сменив воду, добавив чистые полотенца и новые тряпки для уборки, я снабдила этим тележку и отправилась убираться, словно меня ждала гильотина. А эта тележка послужит чистой уборке от моей крови. Брр.

Миновав гостиную, я вошла в тренировочную и замерла. Богдан, сидя в своем кресле, качал мышцы рук, держа тяжелые гантели над головой. Затем опуская их за голову и поднимая снова вверх.

– Посмотреть пришла, рыжая? – его слова буквально выдернули меня из того странного состояния.

– Что? Что вы здесь делаете? Разве вы не закончили?

– Закончили, – недовольно отвечает, продолжая занятия.

– Поняла. Я тогда пойду приберусь в вашей...

– Мне все равно, – перебил меня этот «милый джентльмен», и я скрылась за дверью, не забыв ту хлопнуть посильнее.

– Козел, – шикнула на него как можно тише и ушла в спальню.

Убиралась быстро и качественно. Не привыкла я делать

все наполовину. Не в моем характере, такой уж воспитала мама. К тому же мы с Ольгой убирали каждый день и, честно говоря, пыли тут и не было. Но правила есть правила.

В ванной как надо вымыла пол. Вытерла насухо. Добилась блеска всех поверхностей и вышла.

Богдан как раз, потный и уставший, выкатился из спортивного зала и, не обратив на меня никакого внимания, заехал в спальню, закрыв за собой дверь.

Комната рядом с его спальней была небольшой гостиной с диванами и телевизором. Но за все время, как вернулся хозяин дома, тут находилась лишь Алевтина Викторовна. Да и то минут пять от силы.

Отбросив свои мысли о ненужности этих квадратных метров, я наклонилась, чтобы вымыть тряпку в воде, и услышала удар. Затем вскрик.

Резко выпрямившись, бросила тряпку, я подошла к двери Богдана и, не решаясь постучать, замерла.

– Вы в порядке?

Ответом был стон, и тогда я немедленно ворвалась внутрь.

Спальня была пустой. А дверь в ванную комнату открытой.

Преодолев расстояние в три метра, я замерла на месте.

Кресло стояло немного дальше, отвернутое к стене. Богдан лежал на полу. Голый. И ему было очень больно.

Из моей груди вырвался испуганный вскрик, прежде чем я сорвалась с места на помощь Богдану.

Его перекошенное от страданий лицо тут же сменилось на новую эмоцию. Эмоцию, которая была мне очень знакома.

– Ты... ты... п-проваливай отсюда, – прошипел упрямый мул, кряхтя и посмотрел на меня со всей что в нем только имелась злостью.

– Так я взяла и послушала, – отвечаю, сев рядом с ним, оценивая масштаб беды, в которую он сам себя загнал. – Сейчас...

– ...ты пойдешь отсюда, – перебивает он меня, не дав договорить. – Мне не нужна твоя помощь.

– Да чтоб тебя, – встаю и смотрю на него, кипя, искрясь и просто фонтанируя от злости. – Что я вообще здесь делаю? Пусть ваша мать с этим разбирается, – срываюсь и выхожу из комнаты.

Тогда-то я услышала его страдальческое: – Рыжая.

Замерев на пороге его комнаты, пытаюсь отдышаться, словно за мной гналось стадо бизонов.

Я пытаюсь быть сдержанной. Пытаюсь быть человечной. Но это невозможно, когда он посылает меня, валяясь без сил на полу ванной.

– Рыжая?

– Рыжая? – возвращаюсь обратно и смотрю на Фетисова, который отчаянно прикрывает свое мужское достоинство.

Схватив полотенце, бросаю ему, но упрямо не спрашиваю, зачем остановил и чего хочет.

Богдан прикрывает бедра и опирается на локти, чтобы

смотреть на меня.

– Не вздумай, – говорит запыхавшимся голосом.

– Помогать вам? Теперь и не подумаю, даже если на животе станцуете танец осьминога.

Он морщится, словно у него аллергия на шутки.

– Не говори никому.

– Вот еще. Вы упали. И вам явно больно. О, и еще вам, мистер «я сам», нужно подняться обратно.

– Я сам.

– Ну да. Сейчас позвоню Николаю...

– Я сказал, не нужно.

– И что вы предлагаете? Домыть пол и пойти по своим делам?

Он стискивает зубы. Отворачивается.

– Помоги.

– Простите?

Мой шок был в шоке от того, что его шокировал этот нахал. Как вам такой каламбур?

– Помоги, – произносит громче.

– Уверена, я просто не расслышала фальшивенькое «пожалуйста».

Подхожу к нему и, если честно, не знаю, как быть. Если бы это был ребенок лет двенадцати, я бы что-то смогла предпринять, а тут мужчина, как трое двенадцатилеток. Хотя, если его спасти по частям, то мы справимся.

– Ты сможешь или как?

– Планирую распилить вас, потому что я уверена, в вас килограмм девяносто. В три раза больше того веса, который я смогу поднять.

– Просто пододвинь чертову коляску.

– И?

– Я на нее залезу.

– Как же. А паутина у вас не вылетает случайно с внутренней стороны запястий?

Он нахмурился и так посмотрел, словно только что заметил, что я стою прямо перед ним.

– Ты надо мной смеешься?

– Нет. Боюсь, что вы покроетесь волдырями, если услышите мой смех, а у меня супрастина с собой нет.

Закатив глаза, я взялась за поручни коляски. Развернула ее и поставила рядом.

– Это плохая затея.

– Колеса зафиксируй. Там... – пытается он объяснить, но я быстро опускаю специальные «педальки» и жду, что он скажет еще. – Откуда ты знаешь, что надо делать?

– Я многое знаю. Как и то, что ваша травма...

– Помоги подняться, – снова перебивает.

Сев рядом с ним, я служу поддержкой для мужчины. Но он так сильно навалился, что я не в силах подняться ни на сантиметр.

Мы оба стонем, кричим, покрываемся потом, однако ничего не выходит.

– Боже, – валюсь почти рядом с ним, чувствуя, как горят мышцы пресса и рук.

– Нужно попытаться снова.

– Нужно попросить помочь кого-нибудь. Кая, например.

– Исключено.

– Он свой парень.

– Отдохнула? – спрашивает, не желая слушать мои предложения.

Вторая попытка снова провалилась. Только силы зря потратили.

– Я больше не могу, – почти мертвым голосом жалуюсь и, тут же посмотрев на коляску, улавливаю в голове идею, которая может сработать. – Что, если я положу коляску на спинку?

– А ты ее потом поднимешь со мной вместе?

– Откуда мне знать? Но если мы снова попытаемся, я...

На губах застывает шутка, которую я хотела произнести, но оборвала.

Он смотрит в ожидании, что я продолжу, но от меня исходит лишь молчание.

– Проверь задние колеса, чтобы точно были неподвижны. Я буду стараться отталкиваться от пола рукой сбоку.

Подскочив, я проверяю коляску. Опускаю ее на спинку и опять же помогаю Богдану в нее забраться. Судя по тому, как он дышит, боль становится сильнее.

Мне становится плохо от мысли, что я послушала его и

сделала хуже, решив промолчать.

Когда он оказывается в «сидячем» положении лежа, потому что мне пришлось зафиксировать его ноги, я наклоняюсь над ним, и мы оказываемся почти лицом к лицу.

Он смотрит в мои глаза, и серый туман в его зрачках внезапно становится светлее.

Я прочищаю горло и разрываю зрительный контакт.

– Готов?

– Вполне.

Богдан слегка сдвигает тело вправо и разворачивает плечи, чтобы одной рукой отталкиваться от пола, а я, собрав всю силу, начинаю поднимать его.

Тяжесть его тела прижимает к полу, и сопротивление становится борьбой. Но я не знаю каким чудом, у нас получается поднять коляску выше, и в итоге, сев на корточки, я уже не тяну вверх, а толкаю снизу, что кажется немного проще. И... коляска встает на четыре колеса.

– Бог мой, – ложусь на пол, не в силах дышать и удержаться в вертикальном положении. – Я уйду на неделю выходных после Оли, – бормочу, ощущая прохладную плитку под своей щекой.

Затем я замолкаю, а Богдан ни слова не произнес.

– Ты как, рыжая?

– Послушайте, я свой цвет волос обожаю. Но все же имя у меня есть, именно поэтому. Люди обращаются друг к другу не по их физическим характеристикам.

Поднимаюсь, поняв, что пора уходить, но вспоминаю, что колеса стоят на «стопе».

Снимаю ограничители и молча ухожу, уже в дверях в гостиную услышав кроткое, почти жалкое «Спасибо», а через секунду «рыжая». И впервые, сама не знаю почему, в ответ на его обращение я улыбаюсь.

Глава 6

Богдан

Перелистывая очередную страницу странной и совершенно неинтересной книги, меня прерывает мама.

Она врывается в гостиную, где я провожу не так много времени, предпочитая спальню, и фактически сбивает с ног своим криком, полным возмущения. Точнее, будь я сейчас на ногах. Но на самом деле, будь мои ноги здоровы, я бы не находился здесь с этой отвратительной книгой.

– Ты это видел? – Ее крик словно игра на рояле. Каждая буква звучит выше предыдущей.

На мои колени опускается ее рабочий планшет с огромной фотографией Камиллы. Точнее, располовиненной надвое. Первая – она входит в ворота моего дома с улыбкой на губах. Вторая – выбегает в слезах.

И имей все нормальное зрение, то заметили бы, что это все чушь собачья и постановка, а слезы на щеках – банальный дождь. Или доработка фотографа. И ведь никто не задастся вопросом: «Откуда там был фотограф, что успел запечатлеть все от начала и до конца?».

«Он отверг меня, но я не сдамся!» – читаю заголовок и морщусь.

– Кто вообще читает эту хрень?

– Примерно миллион человек. А еще есть приверженцы бумажной версии.

– И?

Она открывает рот и тут же закрывает, потому что в дверь стучат, затем та отъезжает в сторону, и входит рыжая.

– Входи, Милана. Оставь чай на столике. Спасибо.

«Милана», – пробую на вкус буквы, из которых состоит ее имя. Кислые. Рыжие.

Я слежу за каждым ее шагом. Она проходит мимо меня и оставляет аромат... сирени? Странный выбор. Но я не зацикливаюсь и продолжаю смотреть ей вслед.

Рыжая ставит поднос на столик. Но не уходит. Вместо того чтобы скрыться с моих глаз, она склоняется немного и расставляет чашки на блюдцах, чайник и какие-то сладости на столике. О, еще она не забывает положить салфетки по обе стороны и только после этого, взяв тот самый поднос, выпрямляется и оборачивается.

Ее взгляд тут же находит мой, и я жду... Это всегда просто. Она решит, что теперь я ей должен. Она будет ждать от меня покладистости, пресмыкания и, возможно, решит, что если я смягчусь, то мы станем друзьями. Затем у нее появится возможность высказать свою жалость при помощи щенячьих взглядов и показушной заботы.

Секунда заканчивается. Мгновение исчезает. Она смотрит. Но смотрит не так, как я ожидал.

В ее зеленых глазах скорее недоумение и... вызов?

«Какого черта?»

– Богдан? – зовет меня мама. – Боже, спасибо, Милана. Можешь идти, если что, я тебя позову.

– Что?

– Девочка спросила, нужно ли еще что-то, а ты сверлишь ее недовольным взглядом.

Я снова смотрю на рыжую и вижу, как она ухмыляется, прежде чем скрыться за дверью.

Это еще что такое?

После того унижения, через которое я прошел пару дней назад, мы с ней вообще не пересекались. Она приходила в то время, пока я занимался с Николаем или уезжал в клинику. В комнатах и ванной все всегда сверкало и витал аромат свежести. Видеть ее совсем не хотелось.

Мне все казалось, что вот-вот войдет мама и станет орать по поводу моего падения. Или же меня просто упекут в больницу до конца жизни, чтобы за мной ухаживала колонна санитаров.

Но она не проговорилась. Хотя я ждал именно этого. Она меня ненавидит. Зачем молчать? В этом не было смысла. И, признаться, я думал об этом все эти дни, пока сейчас не понял, что она... ведет себя так, будто ничего не было.

– Плевать! – бормочу недовольно и кручу колеса ближе к столу, куда направилась и мама.

– Что?

– Плевать, говорю, на это, – кладу планшет на стол. – Я не

звезда эстрады. Мне все равно на эту светскую фигию.

– Прекрати выражаться, боже. Но это твой имидж. И ты должен ответить.

– Комментарий написать под статьей? Мам, я не хочу. Мне все равно. Когда я встану на ноги, вообще забуду обо всем.

– Обо мне с отцом, надеюсь, вспомнишь.

Я смеюсь и обнимаю ее, дотянувшись, но чувствую небольшую боль. Боль, которая пока что после падения не прошла.

Мама словно ощущает мое напряжение и тут же разворачивается, убрав руку со своих плеч.

– В чем дело?

– В смысле?

– Богдан, что с тобой? Ты напрягся. Болит? Что-то изменилось?

– Господи, я напрягся, потому что потянулся к тебе, а ты меня уже списываешь со счетов.

– Сынок, – она протягивает руку и гладит по щеке ладонью. – Я твоя мама.

– Прости.

Закончив с чаем, во время которого мама расспрашивает о моем самочувствии и прогрессе, который, если честно, отсутствует вовсе, она проверяет комнату и, убедившись, что я в порядке, начинает собираться.

– Попроси отца, чтобы он разобрался со статьей. Потому

что своего пиар-агента я отправил в отпуск. Мы не станем отвечать на это дерьмо.

– Хорошо, родной, – она целует меня в макушку и, улыbnувшись, уходит.

Меня же посещает идея: поспать или размять мышцы.

Признаться честно, более скучной моя жизнь не была никогда. Мою жизнь заполнял адреналин, скорость и драйв.

Теперь моя скорость – максимум двадцать километров в час на автоматической коляске, и адреналин, получаемый во время тренировок с Колей. Да и то, вызываемый мыслью, что я скоро встану и пойду.

Мысль о жизни, которую я оставил позади на неопределенный срок, отбила все желание тренироваться или читать эту ерунду. Остался один вариант – включить...

– Богдан, – в дверь постучала Зоя Лукьяновна.

– Да?

– К тебе приехали друзья, – мозг стал лихорадочно перебирать варианты. – После визита Камиллы я решила тебя предупредить и спрашивать, одобряешь ли ты визит.

– Кто конкретно?

Не то чтобы у меня был огромный выбор тех, кого я могу назвать «друзьями», но спросить стоило.

– Левицкий Сашка и вся эта компания, – отмахнулась она.

Услышав фамилию одноклассника, с которым мы до сих пор пропадали в одной тусовке, настроение улучшилось. Вряд ли его можно назвать образцом для кого-то, ведь он

живет в свое удовольствие. Но здесь речь не о том, что он сбивает меня с пути. Свой путь у меня как раз-таки выбран давно. Он – шанс провести время не за чтением книги и самобичевании.

Плевать, что я сижу в кресле. Только если они пришли для того, чтобы навестить меня, а не мои неудачи.

– Пропустите. И принесите закусок, ну, как всегда.

– Хорошо. Сегодня удачный день? – словно прочитав мои мысли, спрашивает она, дойдя до двери.

– Сегодня как вчера. Удачным он будет, когда я встану, чтобы взять ключи от машины.

– Ох уж этот мальчишка, – смеется она и, оставив приоткрытой дверь, выходит.

Парни загружаются в комнату в количестве пяти человек. Признаться, это больше, чем я ожидал. Но Зоя Лукьяновна была права – Левицкий и компания.

Шутки летят со всех сторон. Без фальши или намеков. Мужикам тоже есть о чем поговорить. При этом не обязательно опускаться в болото из пафоса и сплетен. Но это длится до момента, пока к нам не входит Зоя Лукьяновна и рыжая.

Мужики тут же затихают и с интересом наблюдают... нет, не за ними обеими. Они смотрят на эту огненную голову с кудрявыми завитками, в форме горничной. Тишина в комнате такая, словно тут вообще никого нет. Только стаканы и тарелки.

Когда они обе выходят и закрывают за собой дверь, все готовы продолжить с того места, где мы остановились, но для начала отпускают пару шуток о том, что у меня новая горничная и все такое. Только с закусками и выпивкой. Все, кроме одного из ребят.

Миша не вступает в разговор, он смотрит на нас задумчиво и наконец выдает:

– Слушай, лицо у нее знакомое.

– Сомневаюсь, что ты ее где-то видел, – смеюсь я, и другие парни.

– Она не очень похожа на тусовщиц, которых ты таскаешь по клубам.

– Зуб даю, придурки, я ее видел. Лицо знакомое, – все так же задумчиво говорит и вытаскивает из кармана телефон, что-то там высматривая, пока мы продолжаем то, зачем собрались, и я наконец выдыхаю.

Проходит не меньше двух часов, пока я не чувствую, что больше не могу сидеть в своем кресле. Просить кого-то из них помочь пересесть на диван я не могу. Поэтому радуюсь, когда они приканчивают последнюю тарелку чипсов и начинают говорить о том, что «Пора валить».

– Черт меня побери, – смеясь, орет тот самый Миша, который скорее друг Левицкого, но я и не против, сегодня мне нужна была компания.

– Что там?

Все обращают внимание на него и телефон, в который он

смотрит не отрываясь.

– Я же говорил, что видел твою горничную, а? – и когда он передает парням по кругу телефон, я замечаю блеск в его глазах.

Гул в комнате нарастает. Я слежу за кочующим из рук в руки гаджетом, и не будь мои ноги «мертвы», уже бы встал и выхватил проклятый смартфон.

– Включи звук. Скорее, – нетерпеливо начинают они орать, звонко хлопая в ладоши от нетерпения. Будто какие-то подростки.

Никогда не страдал такой ерундой. Моя жизнь была посвящена гонкам. Я сутками мог не вылезать из гаража. С отцом, дедом, потом уже сам. Да, я любил вечеринки и посещал их, когда стал взрослее. Я занимался сексом. Не имел каких-то серьезных отношений с девушками, потому что часто это заканчивалось плачевно. Для них.

Я в разъездах. А они не готовы ждать. Но на короткий срок рады пользоваться мои средства и связи, посещая громкие мероприятия, куда меня приглашали. Я все это знал и позволял ровно столько, сколько был готов позволить. Граница всегда имелаась.

Камилла же... ей я был более нужен, чем она мне. Поэтому она терпела. Летала со мной из одной страны в другую. Но я никогда не был как эти люди со мной в одной комнате.

Мой отец многому меня научил. Мои дедушки тоже. Но я никогда не видел, чтобы они не уважали женщин. Особенно

своих женщин.

Звук на телефоне становится предельно громким. Поэтому этого оказывается достаточно для понимания происходящего. Смотреть видео мне уже не нужно. Только если убедиться, что это не ошибка. Что девушка на том паршивом видео – та самая, что находится под моей крышей.

«– *Покрутись, Мил*», – просит мужской голос.

– О да, пусть покрутится, мы хотим видеть все, – подначивают эти недоумки, сбившись в кучу, будто там онлайн-трансляция.

«– *Что с тобой сегодня?*» – теперь звучит женский голос. Бесспорно узнаваемый мной после нескольких диалогов с рыжей.

«– *Хочу тебя видеть. Ну же, сделай это для меня*», – мужской голос хрипит, а она смеется. Дура.

– О-о-о... Да, черт возьми...

– Послушная девочка, – начинаются комментарии.

– Сочная.

– Дай сюда, – не выдерживаю я, обрывая веселье своим криком.

– Ты чего, чемпион?

На меня смотрят как на сумасшедшего, но лишь потому, что не видели со стороны себя. Стадо похотливых подростков, честное слово.

– Сам посмотреть хочет, – смеется Миша и, встав, забирает у них свой телефон, тут же передавая мне его в руки. – Я

никогда не ошибаюсь на лица, – говорит с ехидной улыбкой, а затем, отступив на пару шагов, садится на свое место.

Я первым делом убираю звук, лишь затем смотрю в экран.

Вглядываться нет смысла. Даже с плохим качеством видео девушка на видео знакома. Не узнать буйные рыжие волосы невозможно. Как и то, что она не имеет понятия о съемке. Все вполне очевидно. Очевидно для меня.

«Но что он за подонок, так поступать с девушкой?»

Быстро скинув себе ссылку на почту, закрываю вкладку и возвращаю телефон Мише, бросив тот ему в руки.

– Эй, поаккуратней. Он новый, – возмущается он, убирая его в карман.

Я прошиваю его тяжелым взглядом. Не до сантиментов.

– Проваливайте, – чуть ли не рычу, но все еще пытаюсь держать себя в руках.

– Богдан, – Левицкий встает и подходит ко мне, пока эти идиоты начинают обсуждать, что себе хотят такую же горничную. – Ты чего? Устал, а?

– Слышь, а тебе ничего так, повезло, – звучат на фоне голоса, отвлекая от мысли, что я пытался сдержаться.

– Ага. Все при дамочке, еще и чистюля. Аппарат-то твой работает в отличие от ног, а, чемпион?

Громкий смех разносится по комнате, пока я теряю терпение окончательно.

– Я сказал тебе проваливать из моего дома. Или мне говорить через охрану? – мой вопрос обращен к Мише.

– Какого ты себя как урод ведешь? – это уже кто-то, на кого я не смотрю, потому что мой взгляд удерживает один человек. Заваривший это дерьмо. – Не в настроении, тогда нафига звал? Пошли отсюда, народ.

Они начинают подниматься поочередно с дивана и бросать на меня недовольные взгляды, прежде чем развернуться и уйти. Я провожаю каждого в спину.

Задерживается, помимо Левицкого, этот Миша, но, ни слова не сказав, уходит с ухмылкой на лице.

– Ты чего? – спрашивает друг. – У вас с ней замут какой-то намечался? Сорян, дружище, тебе же не нужна подстилка какая-то, которая снимается в...

– Либо приходи в следующий раз один, – обрываю его на полуслове, – либо не приходи вообще. А девушку оставьте в покое. Проследи за своим «другом», чтобы не вздумал что-то предпринять в ее отношении.

– Да не ершись ты, – отмахивается он. – Ты же знаешь, переключатся на другую шкуру через пять минут. Тем более видео не лучшего качества, чтобы засмотреть его до дыр.

– Ты можешь просто уйти, а? Мне это дерьмо не интересно. Вы что, в десятом классе?

– Короче, понятно, ты не в настроении, – сразу же сдает он и, развернувшись, направляется к двери, махнув рукой. – Позвоню потом. Давай.

Я жду, пока он выйдет, потом сразу же еду к комоду, на котором оставил телефон, и открываю ссылку. Затем копи-

рую ее и открываю новое письмо.

Выбираю почту того, кто может помочь, и пишу просьбу коротко и предельно ясно:

«Нужно избавиться от этого видео. Везде».

Порой приходится использовать подобные фокусы, когда что-то должно исчезнуть навсегда. В последний раз я прибежал к этому, когда маму сняли репортеры в неудобный момент. На тот момент умерла ее сестра, моя тетя, и они застали ее срыв. Мама и тетя Нонна были близняшками. Это стало большой трагедией. Она не выдержала. Эти твари сняли ее, и интернет взорвала не правда, а именно ложь, написанная ими. Издания удалили материал, выплатили огромную компенсацию, но интернет помнит слишком много. Я сделал так, чтобы интернет об этом забыл.

Когда письмо отправлено, я откидываюсь на спинку кресла и начинаю думать. Зачем я вообще в это полез? Нужно было просто указать на дверь и все. Она и сама бы все поняла, я уверен. А я не обязан ей помогать.

Все было вполне логично. Но что-то протестовало.

«Потому что она тебя прикрыла», – твердил внутренний голос, будто я его спрашивал.

«Ты ей обязан».

– Черта с два, – бормочу и, схватившись за ободки колес, еду на поиски рыжей. Нам точно есть что обсудить.

Но искать ее даже не пришлось, так как она стояла в гостиной и отрешенно смотрела на дверь. Затем, услышав ме-

ня, обернулась, и на ее лице читался испуг, смешанный со стыдом.

– Иди за мной, – мой голос словно раскат грома пронесется по огромной гостиной.

Но мне нет дела до акустики дома. Я разворачиваюсь и еду в свое крыло.

Глава 7

Милана

Приносить закуски для Богдана и его компании мне не хотелось. Но Кай занимался ужином, Зою Лукьяновну я не хотела обременять целым подносом чипсов и разнообразных напитков: энергетиков и... всякой дряни. Отправилась сама и была права. Все как на подбор – нахалы и просто неприятные личности. Скажи мне, кто твой друг, не так ли? Будь у их взглядов руки, я была бы облапана в самых интимных местах. И это при том, что моя форма горничной достаточно консервативная, за что я благодарна Алевтине Викторовне.

Фактически сбежав с того крыла словно с места преступления, я занялась главной гостининой на первом этаже. Там мы моем полы дважды за утро, так как это время посещения Богдана врачами, семьей и, очевидно, друзьями. Третий и заключительный раз – перед уходом.

Почти закончив, я обернулась и прошлась по комнате критическим взглядом. Отметила неровно лежащие подушки на большом П-образном диване. Поправила их. Затем – чуть испорченную волну штор. Сделав складку плавной, отправилась уже в комнату отдыха, чтобы причесаться и подготовиться к позднему обеду, как из крыла Фетисова вывалилась гурьба мужчин. Они были такими шумными и быстры-

ми, что я даже не успела пробежать вперед, чтобы скрыться с их нахальных глаз. Что самое поражающее – взгляды стали другими.

Я их узнала тут же. На меня так смотрели массово. И это липкое чувство стыда и мерзости снова зашевелилось под кожей, покрывая ее слоем грязи.

– Глянь на нее...

– Закончишь здесь, приходи ко мне. У меня найдутся другие поверхности для полировки.

Мерзкий гогот заполнил пространство и отскакивал как теннисный шарик от стен с характерным клацающим звуком.

«Бог мой!» – пронеслось в моей голове, когда вышел последний, как я думала, гость.

Мужчина прошелся по мне взглядом и усмехнулся. Словно я стояла перед ним голой. И это означало одно...

Мимо резко пронесся еще один человек, так что закружилась голова.

– Откуда ты взялась только, – проворчал он, не останавливаясь, и захлопнул за собой дверь.

Тишина контрастировала с тем шумом, который только что сотряс этот дом. Но вихрь внутри меня лишь нарастал.

Прошое, которое не должно было меня найти, дышало в мою спину. А может, даже в лицо, просто я пока что отказывалась в это верить.

Тихий звук колес инвалидного кресла Богдана донесся до меня в тот момент, когда он уже остановился в паре метров.

«Надеюсь, он не станет мне отдавать выходное пособие. Я со стыда сгорю, если он попробует это сделать».

Приготовившись к крику, смеху, унижительным комментариям, я хотела закрыть глаза и принять все это стойко. Но решила, что это будет еще более унижительно. Я выстояла в школе все нападки учителей, начальства, даже насмешки старшеклассников. Выстою и перед этим заносчивым засранцем. А то, что он именно такой, я уже успела понять.

Едва его губы приоткрылись, я уже почти слышала: «Ты уволена», «Проваливай из моего дома». Там было еще много подобных и менее цензурных слов. Но я услышала не это.

– Иди за мной, – он тут же развернул коляску и поехал обратно в свое крыло.

И тут я поняла, что он может сказать еще более мерзкие слова, чем я предполагала до этого. Иначе зачем ему оставаться со мной наедине.

Никто не подумает, что я не знала о съемке. Никто не догадается, что я жертва подлого ублюдка – бывшего жениха, который так со мной поступил. Никому нет дела до правды, когда перед вами обнаженная девушка на экране занимается сексом. Ты автоматически зарабатываешь клеймо.

Переведя дыхание, я вытягиваю шею, потому что иначе свалюсь на пол тучкой, умеющей только плакать, и иду.

– Закрой дверь, – командует он, остановив кресло у диванов, почти в центре комнаты, и я снова делаю ровно то, что он говорит. Но не прохожу дальше порога больше чем

на метр.

Проходит молчаливое мгновение. Затем второе и третье. И когда я говорю «молчаливое» – это подразумевает пристальный взгляд и ни единого звука.

Устав от нервов, которые обострили все мои чувства, так что мне стало дурно, я не выдерживаю.

– Говорите уже, и я пойду.

– Говорить? Мне? И куда ты пойдешь?

– Да бросьте. Вы уже все знаете.

– Это не говорит о том, что я хочу высказываться. Я хочу услышать подробную версию произошедшего.

– Подробную версию? Вам пересказать происходящее на видео?

– Нет. Я не смотрел его, но догадался насчет содержимого. Глянул, только чтобы удостовериться, твой ли это голос.

«Он что, издевается надо мной?»

Скепсис, очевидно, отразился на моем лице, и он усмехнулся.

– Скажем так, мне не интересны подобные вещи, особенно когда они сняты без чьего-либо согласия. Так понятнее?

Шокированно киваю.

– А теперь расскажи.

– Зачем? Какая разница, почему это произошло? Если видео пробралось к вам...

Мою грудь сдавило от боли за родителей и вообще родных, от кого я скрывала эту грязь. На этот раз я вряд ли их

защиту от грязной правды.

– Милана, – строгий голос, произнесший мое имя, вырвал из мыслей, словно из ледяной проруби сильная рука.

«Он меня по имени назвал?»

– А ты бы предпочла, чтобы я продолжал тебя рыжей звать?

Мой рот тут же закрылся. Я даже не заметила, что говорила вслух.

– Расскажи обо всем, и я подумаю, чем смогу помочь.

Наглухо прикрытый рот снова некрасиво распахнулся.

– Помочь?

На его лице расцвело раздражение. Но о таком так просто не расскажешь, особенно человеку, который проклинает само твое существование.

– Ты была в нашем саду?

– Что? – не сразу понимаю суть вопроса, так как складывала в голове короткую версию событий.

– В саду была? – повторяет чуть ли не по буквам.

– Эм... нет.

Конечно, я видела эту красоту из окна, но я прихожу сюда работать, плюс избегать хозяина дома, так что... нет, не видела.

– Я бы хотел прогуляться, – говорит будничным тоном. – Свежий воздух и все такое.

– Ладно. Мне нужно вам чем-то помочь?

– Нет, – резко отвечает он. – Просто подай мне вещи и

приготовь вторую коляску.

– Хорошо.

Быстро положив вещи на кровать в его комнате, я направляюсь к выходу на задний двор, куда ставлю коляску. Эта для прогулок идет с джойстиком, потому что на улице грязно и зачастую эти выходы длительные. К тому же мне почему-то кажется, что Фетисов скорее отгрызет другим руки, если кто-то попытается толкать его коляску.

Натянув куртку, я жду Богдана, который появляется через десять минут. Подаю куртку и ему. Затем придерживаю обе коляски, пока он пересаживается, и открываю дверь.

Задний двор – это длинная центральная дорожка шириной два метра или чуть больше и уходящие от нее, или ведущие к ней, тут как посмотреть, другие, чуть более узкие дорожки. Вся композиция в целом напоминает ствол дерева и ветви. Я видела с третьего этажа масштаб узора. Это очень умное решение. Думаю, когда здесь все цветет, то все несколько красочней и масштабней.

Мы начинаем прогулку по левой стороне двора и огибаем периметр.

– Кто тот мужчина на видео? – первым решает говорить Богдан, потому что я слов не нахожу. Все же не на приеме у психоаналитика.

– Ошибка.

– Это я уже понял, – усмехается.

– Он мой жених, – признаюсь, вздыхая.

– Хорош жених.

– Верят ли люди в слова, когда ты произносишь: «Он не был таким плохим вначале»?

– Не знаю насчет других, но это сложно сопоставить в одном предложении, если он в итоге повел себя как мудака. Разве хорошие люди так поступают?

– Справедливо, – небрежно пожимаю плечами. – Но он таким не был. Андрей был заботливым, внимательным, и ему не терпелось сыграть поскорее свадьбу.

Вспоминая об этом сейчас, я до сих пор ищу подвох. Но почему-то не нахожу его. Все было идеально сегодня, а завтра все внезапно оборвалось.

– Почему?

– Seriously?

– Да, серьезно. Ты задумывалась о том, почему он торопился?

– Вряд ли из-за миллионов на моем счету, – острою в ответ.

– Мы просто любили.

– Характеристика персонажа «жених» хромает, я тебе скажу.

– Может и так. Но Андрей изменился лишь в конце.

– Как изменился?

– Почему вы задаете эти вопросы? – останавливаюсь и смотрю на него сверху вниз.

Он тоже притормаживает и поворачивает голову, не убирая руки с джойстика.

– Я правда не понимаю вашего интереса.

– Почему вопросы не задавала ты в свое время? И почему не можешь просто рассказать?

– Потому что это странно, – говорю очевидное.

– Странно, что я узнал такие подробности о моем сотруднике, – тут мне крыть больше нечем.

Стараясь сдержаться и не закатить глаза, я снова делаю шаг вперед, а он еще и победную улыбку натягивает на лицо. Раздражает ужасно. Но я продолжаю.

– Видео он записал в один из последних вечеров. Мы не ссорились, ничего такого. Просто я помню тот вечер, и он ничем не отличался. Вернулись с работы. Поужинали. А утром Андрей проснулся по будильнику чуть раньше меня, что было необычным для него. Это мне нужно быть на работе к восьми, а не ему. Когда я открыла глаза, то спрашивать, в чем дело, мне не пришлось. Он собирал вещи.

– Вот так просто?

– Да. Начался разбор полетов. И он признался, что уходит к моей подруге.

– Пф, – хохотнул Богдан. – Это что, как в сопливом любовном романе постановка?

– Нет. Она сейчас беременна от него. Они женаты и счастливы.

Раздумывая обо всем этом, я начинаю искать те самые незаметные глазу признаки. Но если бы я только могла их распознавать в моменте, а не через два года после совершен-

ных событий, я бы не допустила много из того, что произошло дальше.

Но я не знала, что это за признаки. Даже сейчас не уверена, что они вообще были.

– Когда ты узнала о видео? – продолжает допрос Фетисов.

– Примерно через пару недель после его ухода он выложил видео в сеть. У меня начался летний отпуск. Я пыталась собраться с мыслями. Оксана пришла ко мне, чтобы поговорить, и мы поссорились. Он позвонил и сказал, что я еще пожалею о том, что оскорбила ее. К первому сентября информация еще не распространилась. Я даже не знала, что такое видео существует. Потом утром шла в школу от остановки, и старшеклассники стали надо мной смеяться за спиной. Пускать неприятные шуточки.

– Стой, а ты где работала?

– В школе. Я учитель начальных классов.

Он остановился и оценивающе обвел взглядом с ног до головы.

– Ага, понял.

На его губах заиграла самая неряшливая из всех улыбок.

– В общем, я вошла в школу, и насмешек стало еще больше. Директор и завуч рассказали о видео. Даже сайты подсказали. Предложили уволиться по собственному желанию. Я сопротивлялась как могла. Но в итоге... – в животе все сводит от боли, словно не было двух лет, чтобы забыть это ощущение или затереть в памяти. – Я была беременна. И я

потеряла ребенка на фоне всего этого стресса. Так что больше сопротивляться попросту не было сил, и я ушла.

Богдан

Я не лучший человек. У меня есть минусы и огромные пробелы в поведении, излишняя эмоциональность, и мой спортивный интерес проявляется во многих жизненных ситуациях. Но я чертовски сильно презираю того подонка, который заставил молодую женщину пройти через подобное испытание, как то, что сейчас мне рассказала ры... Милана.

И нет, я не испытываю к ней жалости, как к бедняжке, которую опорочил конченный мудака. Скорее, я в некоторой степени горжусь ею. Уважаю смелость и умение постоять за себя. Не в тот момент, потому что ей следовало давать отпор пожестче, заткнуть всех за пояс, но я понимаю, почему она этого не сделала. Так что нет жалости, которая скорее будет оскорбительна. Однако я сожалею о случившемся с ней и нерожденным ребенком.

Это жестоко.

– Мне жаль, – произнося эти слова, я останавливаю коляску и смотрю на Милану.

Она не поворачивает головы и смотрит куда-то вдаль, кивая и поджимая губы. Я замечаю, как она кусает щеку изнутри.

– Я узнала о беременности, и ее буквально через неделю

не стало. Это... Это было слишком.

Крылья ее, как мне кажется, слишком маленького, чуть вздернутого носа начинают трепетать, и девушка тут же поднимает руку, чтобы пальцами снять с щеки слезу.

– Я не говорила об этом никому, – ее голос стал похожим на мозаику: прыгающий и звонкий, либо глухой и сиплый. – Вообще. Не хотела жалости и взглядов, которые было бы вынести тяжелее, чем одиночество в тот момент. Потом рассказывать уже не было смысла. Эта история осталась между мной и моим врачом.

– Понимаю тебя.

Она переводит на меня взгляд и... словно знает, о чем мы оба думаем.

Когда я проснулся на больничной койке, не чувствуя ног, с болью в голове и всем теле, огромным жирным крестом на карьере, всего чего мне хотелось – одиночества.

Но рядом была плачущая мама, отец, который только и делал, что поджимал губы, будучи немногословным от природы человеком.

Я не хотел видеть всего этого. Не хотел слышать их сочувствия. Наверное, и сейчас не хочу. Но к некоторым вещам привыкаешь. С другими удастся смириться.

– Что было потом? – задаю вопрос, чтобы продолжить разговор, иначе момент станет слишком эмоциональным, если еще не стал.

Милана начинает двигаться вперед первой, и я делаю то

же самое.

– Пфф... – вздыхает она и, прочистив горло, продолжает.
– Я уделила немного времени из того, что у меня было, на жалость к себе, на боль и утрату. Затем пришла к Андрею и потребовала объяснений, удаления этого видео. Тогда на меня свалился ужас всей ситуации. В смысле... видео, где я занимаюсь сексом, летало по этим мерзким сайтам. Я отошла от потери ребенка и только тогда поняла, что на самом деле случилось. Мне казалось, я свихнусь.

– И что он сделал?

– Сказал, что ничего не может поделать с тем, что я шлюха.

– Урод, – не удерживаюсь от комментария.

– Это точно. Не поверите, но мне помог учитель информатики. Это был молодой учитель, как и я. Не знаю, почему я решила, что он это сделает. Но он с радостью согласился. Мне было ужасно стыдно. Но я все равно шла на встречу с ним почти каждый день и следила за тем, как он ищет это видео по сайтам и удаляет, жалуется и так далее. Я даже не знала, что подобных сайтов так много. Думала, что удалили все, но оглядывалась каждый день. Так пролетели два года моей карьеры в качестве горничной.

– Почему горничная? Разве ты не могла просто устроиться в другую школу?

Она усмехается, и это звучит скорее безнадежно, чем весело.

– Преподавательский круг очень узкий. Поэтому, когда я пришла в другую школу, мне просто улыбнулись в лицо, отказывая в работе. Я поняла все сразу и больше не пыталась. К тому же я больше не хотела унижений, поэтому решила, что горничной я могу быть незаметной, особенно в доме вашей матери. Кто мог бы меня там узнать. Но...

– Узнали в моем, – закончил за нее предложение.

– Да.

– Ты не виновата, ты ведь это знаешь?

– Знаю, но посмотрите на своих друзей, разве они подумали так же?

– Они идиоты, Милана, – заявляю чуть сердито.

– Это неважно, – ее голос внезапно сменяется деловым, и мы останавливаемся в точке, откуда начинали прогулку. – Полагаю, вашей помощью будет увольнение без огласки причины?

Я запрокидываю голову и смотрю на нее снизу вверх. Она такая маленькая, что, сидя в кресле, понимаю, насколько буду выше нее, когда встану на ноги. Этот факт почему-то забавляет.

Рыжая складывает руки на груди, словно обороняясь от моей улыбки.

– Увольнение? – спрашиваю насмешливо и качусь к дому, потому что у нее посинели от холода губы.

Она не реагирует сразу. Лишь когда я оказываюсь передними колесами на невысоком пандусе, слышу ее шаги и во-

прос, летящий в спину:

– Что значит этот тон?

– Какой тон? – не останавливаюсь, дразню ее, внезапно поняв, что мое настроение стало гораздо лучше.

– Тот тон, которым вы спросили: «Увольнение?» – производит словно моим голосом, только немного кривя его.

– И какой же это был тон?

– Богдан, – внезапно зовет она, и я останавливаюсь. Затем разворачиваю коляску, двигая джойстик.

– Я сказал, что помогу. Значит, я помогу. Мне пора пить таблетки и немного полежать. Принеси лекарство в мою комнату и стакан воды.

Отъезжая, кладу куртку и шапку на специальную тумбу и с удовольствием заканчиваю свою просьбу: «Пожалуйста!» – на что она что-то начинает бурчать, но я уже не слышу, так как занят тем, что улыбаюсь как придурок.

Глава 8

Милана

Взяв лекарство для Богдана, зависаю на своих мыслях, в которых идет бурное обсуждение ситуации и спор с самой собой.

Фетисова можно сравнить с занозой в одном месте. Так с чего ему меня спасать? У меня нет сомнений, что это какая-то игра. Но было бы интересно узнать заранее, что за игра? Быть готовой к удару. И в то же время я размышляю о том, к чему Фетисову понадобилось бы меня топить «грязным» прошлым? Я же не какая-то там звезда, чью репутацию можно «подмочить», а потом наслаждаться зрелищем. Чтобы избавиться от меня, ему просто нужно сказать: «Ты уволена».

В этом заключается проблема доверия. Люди и так не доверяют всем подряд, что вполне нормально. Но когда предаются близкие и любимые, ты даже не веришь, что кто-то может просто бескорыстно помочь другому человеку.

Наполнив стакан водой, я ставлю его на маленький поднос рядом с таблетницей и выхожу с кухни.

– Милана, – слышу голос Зои Лукьяновны и останавливаюсь. – Ты к Богдану?

– Да, нужно отнести таблетки.

– Ну как он там? Не ворчит больше?

– Как сказать, – улыбаюсь ей. – Зависит от времени суток,

– шучу, и она смеется.

– Сейчас первые результаты появятся – тут же замолчит и сосредоточится на этом.

– А что вообще говорят врачи, вам неизвестно?

– Ох, говорят разное. Травма тяжелая, и все на грани.

Я тут же вспоминаю о его падении, и меня подмывает рассказать ей о случившемся, но я прикусываю язык и, завершив разговор, иду в хозяйское крыло.

Он уже снял свитер и, устало облокотившись на локти, опустил голову.

– Вам помочь? – спрашиваю тихо, чтобы не вспугнуть. Момент показался каким-то личным, вторгаться не хотелось.

– Черт возьми, – вздыхает он. – Не нужна мне помощь. Прекрати уже.

Сейчас он звучал грубее, чем пару минут назад, когда даже его глаза искрились от хорошего настроения. Показалось, что он даже на человека с обычными чувствами похож. Но я не стала обращать внимание на эту враждебность и прошла по комнате к тумбочке.

– Ваше лекарство. Я позову Кая, так как Николая нет.

Услышав бормотание в спину, не останавливаясь, снова направилась на кухню.

– Кай, там Богдану нужна помощь, а Коли нет.

Он тут же оставил нарезку овощей и, сняв перчатки, без слов отправился к нему.

Выждав некоторое время после возвращения парня на кухню, я иду в спальню Фетисова и все, что вижу, – это спящего мужчину. Поэтому приглушаю свет и прикрываю за собой дверь.

Вспомнив, что я даже не обедала, составляю компанию Каю и с удовольствием наблюдаю за тем, как он готовит, пока наслаждаюсь вкусной едой.

– Слушай, а вы теперь друзья с Богданом? – спрашивает он, не отвлекаясь от нарезки и кучи других дел.

– Откуда такие выводы?

Разумеется, я понимаю, что он увидел, как мы гуляли.

– Ты провела с ним часа два, не меньше, – он подмигивает, сверкая белозубой улыбкой.

– Какой хитрый взгляд, – усмехаюсь. – Может, он меня заставил?

– Может. Но ведь он этого не делал?

– Спрашиваешь или утверждаешь?

– Ты без синяков и, – кивает на мои руки, – кулаки целые, явно не боролись.

– О, да ладно тебе. Я бы не стала показывать ему свои силы, а вот тебя на лопатки уложу, – тычу в его сторону вилкой.

Он опускает нож, смотря при этом на меня достаточно серьезным взглядом, а после начинает громко хохотать.

– Девчонка с юмором – это просто находка.

Оставив разговор, я доедаю и встаю, чтобы поставить тарелку и приборы в посудомоечную машину. Затем сажусь на стул и пью ароматный чай с малиной и мятой.

– Ты мне раньше не казался таким разговорчивым.

– Мне требуется время, чтобы заговорить с теми, кого я не знаю, – он пожимает плечами и срывает с веточки розмарин, аромат которого тут же заполняет пространство вокруг меня, так как я сижу прямо рядом с пучком трав.

– Теперь я свой человек, да?

– Типа того.

– Тогда рассказывай, почему ты решил стать поваром.

– Звучит словно приказ, – он снова посмеивается, но все же делится своей историей*.

Следующий день начинается так же, как и предыдущие. Я по-прежнему избегаю Фетисова, потому что была свидетелем перемены его настроения, и видеть это снова не хочу. Но я не могу не задаваться вопросом, о какой помощи шла речь.

Чуть позже я узнала, что избегать мужчину нужды не было. Его чуть раньше, чем я приехала на работу, забрали в медицинский центр, и волнение захлестнуло меня с головой.

– Боли какие-то были, и Алевтина Викторовна не стала ждать, – только и ответила Зоя Лукьяновна, оставляя раздрай внутри меня.

Признаться, что я видела его падение? Дождаться новостей из больницы? Сразу собрать вещи к тому моменту?

Уборка вышла исключительной. Мне кажется, я не убира-

лась так чисто никогда за два года работы. И когда я приступила к мытью полов в гостиной, входная дверь открылась.

Ворчание Фетисова-младшего было узнаваемо и без понятных слов.

Бросив тряпку, я выскочила навстречу и придержала дверь, на что услышала уже более разборчивое «Началось», когда Алевтина Викторовна с улыбкой вкатила сына в дом.

– Он хотел поздороваться и сказать спасибо, Милана.

– Нет, я хотел сказать... неважно.

Они скрылись в крыле Богдана, а я пыталась оценить его состояние. Хотя должно быть уже понятным, что если его отправили домой, то все в порядке.

– Ты сегодня швейцар? – напугал меня голос Николая, так что я вскрикнула. – Прости.

– Все в порядке. Просто задумалась.

– О чем?

– С ним все в порядке?

– Да. Просто его мать переживает. Говорит, уже замечала, как он морщится от боли. Из-за тренировок идет нагрузка, это нормально. Но провериться не помешало. Так что не беспокойся.

– Что это за тон? – смотрю на него удивленно.

– А разве я неправильно понял твой вопрос?

– Знаешь, я уже сталкивалась с людьми, кто почти все неправильно воспринимает. Не будь таким.

Не дав ему ответить, развернулась и пошла домывать пол,

злась еще сильнее, а значит, и пол будет как никогда чистым.

*- Эту историю мы узнаем в романе Кая и Арины Журавлевой, модели из книги «Бывший муж. Чужая кровь». Книги не связаны сюжетом, просто упоминаются герои.

Глава 9

Богдан

– Ну же, напряги мышцы, – подгоняет меня Коля, когда я и так уже на пределе своих возможностей. Стараюсь как могу, но все равно не достигаю поставленной им цели. – Пробуй согнуть пальцы, затем ослабь.

– Не получается, – шиплю, сжимая челюсти в жесткий замок.

– Я прошу попробовать, Богдан, и вижу, что получается, а что нет. Я тебя направляю, чтобы мы двигались дальше.

Пытаюсь снова, но словно жгут мои мышцы.

– Так, ясно. Попробуй потянуть на себя носок.

– Ты издеваешься? Я пальцы не сгибаю, пока ты не...

– Богдан, – строго осаждаст он, и я делаю попытку. То же самое.

Раздражает. Так сильно бесит, что не могу контролировать себя.

– Черт возьми, – выкрикиваю, опустившись на мат с тяжелым ударом спиной.

– Полегче, а? Или решил остаться неходячим? – жестко пригвозждает меня. – Нахрена я с тобой в таком случае вожусь каждый день?

– Какая разница? Ты сказал, что скоро пойдут заметные

улучшения. Их нет.

– Заметные улучшения – для меня как реабилитолога, но не для тебя. Или ты хотел сесть за руль через месяц и выиграть гонку к январю? Говорили ведь уже об этом.

– Иди ты.

Отворачиваюсь, потому что чувствую, как в венах пульсирует злость. Не хочу грубить – выходит само собой. Но с Николаем проще, потому что нет жалости, как у других. Нет взглядов, от которых хочется орать на всех вокруг.

– Ранний восстановительный период – от одного до трех месяцев, – напоминает он. – Прошло полтора, а ты уже можешь сидеть и даже корсет почти не носишь. Полгода на то, чтобы уменьшить тонус мышц, укрепить их и привести в порядок координацию. И наконец начать заниматься на тренажерах полноценно. Разработать суставы. И... ходить. Чего ты добиваешься?

– Ты серьезно? – срываюсь на крик. – Это я лежу здесь парализованный наполовину тела. Откуда тебе знать, чего я добиваюсь и насколько сильно этого хочу?

– Оттуда, что я каждый день на протяжении десяти лет вижу тех, кто хочет вернуться к прежней жизни, – говорит в ответ таким же строгим и достаточно громким голосом, чтобы меня перекричать. – И не у всех получается сделать это, как бы они ни старались. Потому что порой одного желания и стараний попросту недостаточно. Травма тяжелая у тебя, Богдан. Не испытывай удачу и не испортить все, раз уж ты ре-

шил попытаться.

– К черту твою удачу, – прикрываю одной рукой лицо. Дышу. Судорожно сопротивляюсь желанию все послать подальше. Затем, сжав челюсти, преодолевая боль, делаю упор на локтях и приподнимаю верхнюю часть тела.

– Нужно убрать болевой синдром, чтобы твоя мать не сошла с ума в следующий раз, да и нам чтобы было проще заниматься, не отвлекаясь. И не забывай про мои рекомендации, но не перегружай организм.

– Помню, – отвечаю сквозь зубы, оставляя при себе информацию о том, что я занимаюсь иногда без его участия и ведома.

К концу занятий я вымотан, и с меня течет пот сильнее обычного.

– Отличный день, ты молодец, – хвалит он меня, помогая лечь на массажный стол.

Когда Коля начинает разминать какие-то точки на спине, я почти стону – настолько это больно и приятно одновременно.

– Чувствую, как начинает спадать спазм. Хороший признак, – комментирует он, не имея понятия о том, что я просто хочу не шевелиться.

Еще час спустя я снова в кресле, и последнее, о чем я думаю, – душ.

– Даже не вздумай – душ обязателен, – словно читая мои мысли, смеется он за моей спиной.

– Я бы не отказался от ванны, если честно.

– Скоро пойдет бассейн. Недельки две – и начнем.

– Хорошо.

Заехав в комнату, я тут же ощущаю аромат свежести и чистого белья, а еще средств, которыми рыжая протирает в комнате пыль. Тут же вспоминаю о том, что вчера мы так с ней и не договорили.

– Давай в ванную, у меня осталось полчаса, и я должен выходить, чтобы успеть к другому пациенту.

– Справлюсь, – отмахиваюсь.

– У тебя мышцы дрожат. Ты даже шампунь будешь открывать с усилием, поверь мне.

Ничего не сказав на это, я уезжаю в ванную и понимаю, что он был прав уже через пару минут. Я ощущаю себя достаточно сильным, но такое простое дело, как колпачок шампуня, кажется невыполнимым.

– Вот же черт, – ругаюсь, но все же справляюсь с этим.

Коля помогает устроиться на кровати. Напоминает про таблетки, дыхательную гимнастику и требует два часа спокойствия и сна, начиная с этой минуты. И хоть я с ним согласен, у меня есть парочка важных вопросов.

– На этом откланяюсь. Заеду вечером еще.

– Давай. И, Коль... – он останавливается на пороге, обернувшись. – Спасибо.

Он ухмыляется и, кивнув, исчезает за дверью.

Приняв лекарство, запиваю его стаканом воды, осушив

тот полностью, и беру в руки телефон.

На почте, как я и предполагал, есть письмо:

«Видео распространилось по мелким сайтам. На крупные не попало, иначе это было бы сложным заданием. В целом датировано одной неделей конца июля. Более поздних версий нет. Я бы сказал, что оно давно никого не интересует.»

Когда я пообщался с Миланой и узнал историю создания этого видео и его распространения, я задал еще пару вопросов человеку, который приступил к работе, как только прочел мое письмо. И если верить его данным, видео утекло в сеть раньше, чем думает рыжая.

– Ублюдок, – бормочу я, читая дальше содержание письма.

«Совпадений по девушке больше не было. Проверил по разным алгоритмам.

Удаление 100%. Повторную проверку проведу через неделю и отпишусь.

Оплата на тот же счет.»

На всякий случай я перехожу по ссылке, которая была в первом письме, и натываюсь на надпись, что такой страницы больше нет.

Переведя деньги, я задумываюсь об этом говнюке. Мне попросту не дает покоя вся эта история. И не то чтобы у меня не было больше забот – такого дерьма у меня достаточно, но почему-то ситуация настолько скверная, что я посвящаю

ей все время, пока засыпаю. И останавливаюсь на том, что подонку лучше заплатить за то, что он сотворил.

Милана

– Устала? – Зоя Лукьяновна присоединяется ко мне за столиком, чтобы выпить чаю.

Она проводила инвентаризацию и делала онлайн-заказ в магазине, чтобы мы с Олей могли держать дом в порядке, а холодильник Кая был полным продуктов. Я ушла из прачечной пять минут назад, и вот мы сидим вместе за столом.

Настроение после намеков Коли так и не поднялось до необходимого максимума, чтобы не рычать на всех вокруг и не ходить, как сказал Кай, «с кислой миной». Я пыталась абстрагироваться и ни с кем не общаться.

Это глупо, но я все еще злюсь. После того как меня не поняли коллеги, не выслушали и заранее осудили, хоть и было за что, я настороженно отношусь к людям в целом и новым знакомым. Если близкие способны ударить в спину и столкнуть с обрыва, то что говорить о тех, кто «проходящие» в нашей жизни. Им ничего не стоит макнуть нас в грязь лицом и чистыми пойти дальше. Николай – представитель тех самых людей. Во всяком случае, он умеет заранее осуждать и делать неправильные выводы.

– Немного, – отвечаю женщине и глубже утопаю в уютном коконе бархатного стула с округлой спинкой.

– А чего не так?

– Что именно?

– Настроение, лицо и... аура в целом.

– Скажете тоже – аура, – усмехаюсь беззлобно.

– Она самая. Рядом с тобой сидишь, и тоска берет.

– Да просто... не обращайтесь внимания.

– У меня трое взрослых и самостоятельных детей, милая моя девочка, я не могу не обращать внимания, особенно если меня об этом просят.

– Мне тоже интересно послушать, – доносится сзади, и я отчего-то моментально подскакиваю на ноги, почти опрокинув чашки и стол в целом. Только чудом все остается в сохранности.

– Боже, – прикладываю одну ладонь к груди, другую ко лбу.

– Это всего лишь я.

– Богдан, – улыбается Зоя Лукьяновна.

– Я вашу сотрудницу могу забрать для прогулки?

– Да!

– Нет! – говорим мы с ней в голос. – У меня куча работы, – даю намек женщине, что прогулка в мои планы не входила.

– Ты ее на пятерку уже выполнила, – отмахивается и смотрит на Богдана. – Забирай ее, может, повеселеет.

– А как же полы и смена постельного белья? Еще стирка?

Рикошетом она отвечает, что я уже все сделала.

– Можно мне яблоко, пока не уехал?

– Конечно, – она подскакивает и дает чемпиону то, что он просит, фактически меня саму на блюдечко кладет, выталкивая за дверь.

Одевшись, мы выходим из дома и начинаем путь с того же места, что и в прошлый раз.

Я понимаю, что ему скучно, но зачем меня таскать за собой – вот это остается загадкой. И пока я раздумываю о причинах его приглашения погулять, он первым начинает разговор.

– Я тебе так надоел?

– У меня просто много работы, ведь за этим я сюда приезжаю, раз уж вы меня не уволили, – напоминаю Фетисову.

– Причин для увольнения, кажется, нет. Откуда такое рвение?

Он спокойно направляет джойстик, а я удивленно смотрю на него, потому что подвох буквально на поверхности лежит.

– Вы меня с первой встречи стали гнать из дома. Но я все еще не понимаю...

– Ты была за границей? – перебивает он меня внезапным вопросом.

– Что?

– За границей была?

«Он серьезно?»

Куда бы я поехала с моей зарплатой учителя началки?

– Конечно, – иронизирую я.

– Правда? Куда ездила?

Я чуть ли не давлюсь от смеха.

– Весь мир объездила. Этой ночью вернулась из Эмиратов. Следующей планирую в Бразилию по-быстрому слетать и вернуться к утру. Смотря что приснится.

– А, понял. Это был юмор.

– Конечно. Я была в санатории «Красная Талка» однажды, потому что маме дали две путевки. По второй поехал брат. На тот момент я была семиклассницей. В восьмом я выиграла конкурс сочинений на тему: «Уголки нашей страны» и полетела в Санкт-Петербург на экскурсию. Ну и участвовала в разных школьных мероприятиях, хотя за границы Края мы не выезжали никогда.

– И все? – спрашивает он после короткой паузы, во время которой, видимо, ожидал продолжение моего рассказа.

– Да. На этом география моих путешествий заканчивается.

– Скучно. А твой жених не справлялся с этим?

При упоминании Андрея внутри автоматически все запротестовало. Даже говорить о нем не хочется, если честно.

– Андрей планировал многое. Но, как показала история наших отношений, планировать могут все, следовать своим словам – меньшинство.

– Кем он работает, что не смог тебя даже на наши курорты свозить?

– Менеджер по продажам. У него зарплата от сделок зависит и процентов от них.

– Зато понятно, что менеджер он никчемный.

Это определение заставило улыбнуться.

Вспомнилось, как Андрей жаловался на неудачи или маленький процент от сделок. Отменял многие вещи, которые мы планировали, и забрасывал удочку с популярным «Вот когда...». Это «когда» так и не наступило. Не со мной, очевидно.

Раньше меня ранили такие глубокие мысли о том, что было с ним. Казалось, что дело во мне. И даже если сейчас я не понимаю, почему так думала, стало легче. Потеря ребенка нанесла гораздо более глубокую рану, чем наше с Андреем расставание.

– Почему учитель?

Его очередной вопрос словно вытряхнул из прошлого.

– Ну... Мне просто всегда это нравилось. Все мои игры были про то, как я учу детей. И когда в школе наступал праздник «День учителя», я была первой, кто просился вести уроки в начальных классах. В целом, эти дни самоуправления и подтвердили, что я хочу быть учителем.

– И ты не думала ни о чем другом?

– Нет. Ответный вопрос – почему гонщик?

– Все просто – это у меня в крови. Стать гонщиком было моей единственной мечтой. Других просто не было никогда.

– Тогда вы понимаете меня.

– Наверное, да. Но не понимаю другого, – задумчиво произнес Богдан и остановил коляску.

Я сделала то же самое и повернулась к нему лицом.

– И чего же?

– Почему ты все-таки работаешь горничной, а не воплощаешь свою мечту?

Конечно, он не понимал. Ведь скандал в мире автогонок с каким-нибудь секс-видео заставит фанатов мечтать о том, чтобы на их месте были они.

– Потому что система образования помнит ошибки гораздо лучше, чем интернет.

– М-да? Просто я не смог найти никакого видео.

– Спасибо за попытку утешить, но вы либо разыгрываете меня, либо... я просто не знаю, зачем вам это.

Не желая обсуждать больше эту тему, я просто пошла вперед.

– Милана, ты не можешь постоянно бежать и прятаться, – это заявление было словно удар.

Я кто угодно, но не трусиха. И я пыталась, просто была сбита с ног, а когда поднялась, было уже слишком поздно.

– Я не прячусь и не бегу.

– И работаешь горничной?

– Я не стыжусь своей работы, – парировала я, но звучала для себя самой немного жалко.

– А дело и не в стыде. Дело в принципах и трусости.

– Я не трусиха. И благодаря тем же принципам не пошла обратно, чтобы унижаться и быть униженной.

– Возможно.

Он пожал плечами, словно услышал отвратительно скучную речь. А я даже не знаю, почему распинаюсь перед ним.

– Чего вам надо от меня? Зовете гулять, заводите эти разговоры. Для чего? Я и так сказала вам больше, чем стоило.

– Но правды я ведь так и не услышал, не так ли?

– Я не имею понятия, что для вас правда.

Он усмехнулся и поехал прямо на меня, но в итоге ловко «обошел» и двинулся дальше, пробормотав:

– Так я и думал.

– Что?

– Дело в трусости, – бросил небрежно, но не остановился.

– Меня заставили уволиться, и в другую школу не приняли. Я уже говорила.

– Два года прошло. Неужели побывала во всех школах города?

– Это ни к чему, если я буду слышать одно и то же в ответ.

– Для кого эта отговорка? Для всех или только для меня? А может, для тебя?

– Не думайте, что знаете меня.

– Мне и не нужно.

Идти за ним я не смогла, так как была слишком зла, а кричать в ответ означало внимание со стороны охраны, садовника и, бог его знает, кого. А еще... я не знала, что сказать, даже не понимала, почему вообще должна в чем-то его переубеждать.

Глава 10

После того эмоционального разговора с Фетисовым прошло достаточно времени. Если быть точней – неделя. Ноябрь почти закончился и поражал своим теплом для поздней осени. Привычно было, если судить по предыдущим годам, что к этому времени уже кое-где лежал снег. Этой осенью не было ни единой снежинки, и встал вопрос о том, какой же будет в итоге Новый год? Но о погоде я думала лишь в те моменты, когда о ней говорила мама. Я последнюю неделю думала лишь о том, что сказал Богдан.

Почему он посчитал меня трусихой? Я что, должна была с кулаками лезть во все школы города и отвоевывать свою честь? От одной только мысли снова вернуться туда меня начинало трясти. Я пережила то потрясение и вышла из ситуации с ясной головой. Но в то же время я понимала и другое – оставаться горничной было нельзя.

Однако у меня нет другого образования. И что в итоге мне делать?

Я была в тупике во всех смыслах этого слова. А еще раздражало, что я думала об этом постоянно. Но странно, что он больше не пытался со мной что-то обсудить. Словно мы вернулись к тому, с чего начинали. Правда, меня больше не увольняли и не кричали. Я его почти и не видела. Как только Ольга вышла на работу, я появлялась в особняке через день

и на выходных. Убиралась в его крыле, когда они с Николаем занимались, в остальное время он не показывался.

Вот и сегодня я по привычке вошла в гостиную Фетисова и обнаружила его у стеллажей с книгами, на которые он смотрел, словно решал задачу по тригонометрии.

– Вам помочь? – усмехнулась и прошла вперед, таща за собой тележку.

– О, а вот и ты, рыжая. Думал, ты меня избегаешь.

Богдан развернул свою коляску, но в остальном больше не пошевелился. Сложил руки на груди и следил за каждым моим шагом.

– С чего бы мне избегать человека, который платит мне зарплату?

Вытащив из корзины «антипыль» и тряпку, кладу их на подставку и начинаю надевать перчатки.

– Остришь? – улыбнулся он, и словно мир замер. Он и правда улыбается? – Значит, все и правда в порядке. Не обиделась и не ходишь в слезах.

– А у вас, я вижу, с лицевыми нервами все в порядке. Улыбаетесь.

Он улыбнулся снова, и я тоже, но быстро убрала с губ эту нелепость.

– Сегодня без занятий?

– Ага. Коля уехал по делам. Я сегодня с домашкой сижу.

– Он сказал вам тренировать технику чтения?

– Ого, что это с тобой?

Прикусить бы мне язык, но я и правда была в настроении.

– Снега хочется, а его все нет. Страшно представить, каким будет Новый год. Мама в шаге от нервного срыва.

Богдан хихикнул и откатился в сторону, освобождая мне место для уборки стеллажей, хотя я об этом не просила.

Подставив табурет-стремянку, я начинаю с верхних полок. Там, конечно, за сутки пыль не собирается совсем, но мы с Олей все равно убираем каждую поверхность.

– Снега, значит?

– Ага. Я пообещала ей заморозить побольше льда и поставить на праздничный стол.

На это Богдан, что меня поразило, расхохотался.

Закончив со стеллажом, я все же спросила, переходя к другой мебели.

– Вы искали книгу?

– Вроде того.

– Какую?

– Ты читаешь?

– Да. У меня всегда что-то лежит на тумбе у дивана. В свободное время я читаю. А вы?

– Не-а.

Он положил руки на подлокотники коляски и выглядел странно расслабленным. Обычно Фетисов был зажатым и словно на грани, но не сейчас.

– Тогда зачем вам книга? Готовились к ритуалу по сожжению классической литературы, судя по наполнению полок.

– Скучно было. Почему бы не прочесть скучную книгу?

– Странный способ отогнать скуку, но спорить не стану.

Так вы нашли ту самую книгу?

– Она на самой верхней полке.

– Вот как. И что же это?

Оставив тряпку и спрей, я подхожу к стеллажу, подставляю стремянку и оборачиваюсь к Богдану, который смотрит на меня, словно сдерживая смех.

– Что? – не понимаю его реакции.

– Почему ты не видишь в людях подвоха? – тут же задает вопрос, стирая веселье с лица.

– Подвоха?

– Называй как хочешь. Я мог солгать, чтобы посмотреть на твои ноги, даже заглянуть под юбку, если на то пошло. А ты уже забралась на эту штуковину и при этом даже не подумала, что я могу быть мудаком, который над тобой смеется.

«Ах, вот оно что. Он продолжает меня испытывать?»

– Потому что, если я буду такой циничной, мне будет сложно жить. Я не такой человек. А вы? Вы такой?

Вместо ответа на мой вопрос, он перевел взгляд чуть левее от моей головы и сказал:

– Дюма.

Повернувшись, я вытащила книгу с синим корешком и спустилась по ступенькам. Затем подошла к Богдану и протянула книгу.

Он взял ее, но его пальцы легли на мои, затем мужчина

подтянул меня к себе ближе, что стало неожиданностью. Но я сделала этот шаг и склонилась слегка.

– А что ты думаешь, рыжая, я такой или нет? – пророкотал он низким голосом и тут же отпустил мои пальцы.

Я тут же отшатнулась и выпрямилась.

– Что скажешь? – снова спросил он, но я в эти игры играть не планировала. Поправила передник платья и отошла к тому месту, где убиралась. Надела перчатки и ответила коротко:

– Мне все равно.

Его усмешка была особенно громкой в образовавшейся тишине, но я не обратила внимания.

– Новый год, какие у тебя на него планы?

Он задал вопрос своим привычным голосом с нотками расслабленности, что поразило меня, потому что я погрузилась в свои мысли. И хоть сказала ему, что мне все равно, циник он или нет, я думала об этом. Действительно размышляла.

– Встречаю его с семьей.

– Ты ведь знаешь про ужин в этом доме?

– Который Алевтина Викторовна устраивает обычно у себя? Да. Она уже упоминала об этом и обсуждала с Каем меня.

– Он будет в этот раз очень коротким.

– Почему? – спросила, не отвлекаясь от работы.

– Я не позволю ей пригласить в свой дом ни одного чело-

века, чтобы не быть центром шоу уродов.

Эти жестокие слова задели внутри меня что-то, и я резко обернулась, но посмотрела уже ему в спину, потому что мужчина развернул коляску и ехал в направлении своей двери.

– Вам придется бороться не только с недугом в итоге, но и с самим собой, если считаете себя шутком в коляске.

Я сказала это, и он замер. Я испугалась того, что переступила черту. Но последнее, о чем я думала, – извинения. Мой отец стойко перенес все это и ни разу не сказал ничего подобного, даже когда перед его носом закрывали двери. У этого мужчины был стержень. У Богдана он тоже должен быть, ведь не зря он удалил то самое видео со мной из интернета. Это открытие поразило меня, преобразило его в моих глазах кардинально. Так что ему придется в себя поверить.

Он не ответил. Но я заметила, как он сжал пальцами подлокотники, прежде чем схватиться за ободки колес. Он поехал дальше и закрыл за собой дверь, а я перевела дыхание и продолжила уборку.

Богдан

Марк.

На экране телефона высветилось имя товарища по команде.

Не то чтобы я избегал их. Я просто хотел, чтобы они сосредоточились на гонках. Штерн – наш второй пилот из Гер-

мании – тоже показывал хорошие результаты, но... чемпионом его вряд ли назовут, как и нашу команду в целом. Это было своего рода пощечиной, когда я думал об упущенных возможностях. Так как же я мог позвонить Марку и хотя бы узнать, как у них дела в Вегасе и когда они вылетают в Катар?

Я не мог. Особенно после того, как ублюдку Хеггинсону просто организовали штраф на фоне поданного нами иска в суд. На данный момент они не выявили нарушений, даже в том, что он своим слипстримом и дальнейшим обгоном спровоцировал снижение управляемости моего болида, подрезав прямо перед шпилькой, когда не имел на это права. Они просто остановили гонку после аварии, выкинув красный флаг. На следующий день просто повторили основную гонку, и все. А я отходил от наркоза. Пересматривать те кадры было худшим испытанием в жизни.

Но я не был трусом. И потому коснулся зеленого кружка, установилось соединение, и из динамика донеслось веселое:

– Привет, чемпион.

Я оставался для них хоть и «безногим», но чемпионом. На заднем фоне слышались веселые «приветы» от других членов команды, и я... черт возьми, я почти прослезился.

Я должен был быть с ними там. Я должен был стоять первым. Стать чемпионом. А теперь я даже не знаю, буду ли ходить в будущем.

– Привет, дружище, – ответил чуть более сдержанно. Горло вообще сдавило похуже, чем в искореженном болиде пе-

ред тем, как я потерял сознание.

– Как ты там?

– Почти здоров.

– Это правильно.

– Вы?

– Ну, вчера Штерн финишировал четвертым. Сегодня отдыхаем, а завтра в Катар.

– Ясно. Молодцы. Действительно молодцы.

Давление подскакивает еще сильнее. Уже не только в гортле душит. Где-то в области сердца что-то мерзкое, пугающее расправляет крылья. Хочется крикнуть на друга. Сказать, чтобы отвалил и не звонил до конца моих дней. Чтобы его жена не присылала свои счастливые и заботливые «Поправляйся» и рисунки их маленькой дочери. Хочу, чтобы Стаф тоже этого не делал. И никто из них больше не вспоминал, как меня зовут и на какие цифры заканчивается мой номер телефона. Но больше всего я хочу, чтобы мой чертов позвоночник не был сломан. И чтобы это был я, кто собирался в полет из Вегаса в Катар, а после в Абу-Даби. Чтобы на меня по-прежнему смотрели... чтобы чувствовать пальцами вибрацию гонки, дышать тем воздухом и слышать, как слики свистят на гладкой поверхности гоночной трассы.

И вместо того, чтобы осуществить хотя бы первое – крикнуть на друга, – я просто улыбаюсь. Болтаю с ним, словно мои ноги не наполнены свинцом.

– Значит, тридцатое, затем седьмое декабря, и все?

– Да, но мы мало на что рассчитываем, если честно. Многие... немного потерялись.

– Не имеете права. Я всего лишь один из пилотов. Позаботьтесь о Штерне.

– Передам этим оболтусам твои слова.

– Сам им тоже следуй. Ты главный инженер.

– Обещаю. Тебе «кэп» звонил?

Так мы называем, так сказать, нашего тренера, который раздает указания всей команде.

– Звонил. Мы постоянно на связи.

Ложь! Я старался ограничивать наше общение. Он вроде как понимал. Но больше я не стану этого делать. Хватит.

Он замолчал красноречиво. Поэтому, чтобы не скатиться до сентиментального дерьма, я попрощался, сказав быстрое:

– Результативной гонки вам, ребята.

Внезапная тишина стала вмиг невыносимой. Я был на грани. Почти... затем дверь позади резко распахнулась.

– Почему вы сделали это?

«Рыжая».

Ссутулившись немного, я сжал кулаки.

Не хотелось ей грубить. Честно.

Я и так достаточно вел себя как мудака. Но она пришла не в подходящий момент.

– Уйди, – шепнул я, чувствуя боль в горле.

Она не должна меня видеть сейчас. Считать с лица боль, неудачу и то, как сильно травма вросла в меня за это корот-

кое время, несмотря на то, что эта травма в самом центре моего тела. Она вросла гораздо глубже. И этим я делиться не хотел ни с кем.

– Нет, – упрямо заявила она.

Я мог только представить, что она сейчас стоит, сложа руки на груди. Возможно, запрокинула голову так, чтобы ее подбородок смотрел в самый потолок, показывая, насколько она гордая. А может... я вообще ни черта не знаю. Сейчас я был неспособен быть ей компанией или оппонентом для спора.

– Уйди. Не сейчас, рыжая.

Я старался звучать грубо. Но, слыша свой голос, понимал, насколько он выдавал меня.

– Вы удалили видео. Я должна знать, почему вы это сделали, прежде чем решу, говорить ли вам «спасибо» или...

– Или что? – разворачиваю коляску, чтобы посмотреть ей в глаза.

Даже не знаю, каким она меня сейчас увидела. Но вот что увидел я: она не держала руки скрещенными на груди. Не стояла, запрокинув голову к потолку, чтобы показать ненужную гордость. Она положила свои руки на бедра и смотрела прямо. А еще... она сжала свои пухлые губы в упрямую линию, отчего они стали ужасно маленькими.

Пока мы смотрели друг на друга, раздражение почему-то росло, а вот ее упрямство... оно буквально таяло на моих глазах.

– Что ты вообразила в своей рыжей голове? Что я удалил то видео, чтобы что? Шантажировать? Уложить в кровать? Смеяться над тобой? Унижать?

Мои вопросы не требовали ответов. Они были бредовыми, но я просил ее уйти. Дважды. И видит бог, я был не в настроении сейчас с ней общаться. Она напросилась сама.

– Что с вами? – спросила она тихо, но это как красная тряпка для быка. Слыхали о таком выражении? Это было оно самое.

– Одна наглая горничная нарушает мои личные границы. Ты во мне друга увидела? Так вот, разворачивайся и проваливай, я сказал.

Мою нижнюю челюсть почти перекосило от оскомины тех слов, что сейчас слетели с моих губ.

Мы смотрели в глаза друг друга все это время. Я сказал то, что сказал, пять или десять секунд назад. А потом к ним добавились еще десятки секунд. Но она стояла передо мной. Стояла и молча смотрела. Или чего-то ждала. Надеюсь, не извинений, потому что я не скажу ей больше ни хрена.

Я тоже кое-чего ждал. Что она сорвется и покинет мою комнату, крыло и в итоге дом. Она была права в своем поведении, я дал ей понять, что мы «друзья». Моя вина. Признаю.

К черту все это. Я и так ей помог с тем видео. Пусть просто скажет спасибо и уйдет. Все.

– Ясно, – наконец сказала она и упрямо двинулась вперед.

Думал, ко мне, чтобы, наверное, ударить по лицу. Скорее всего, я заслужил. Но она прошла мимо. К шкафу с моей одеждой.

– Что ты делаешь?

– Мы идем гулять.

– Черта с два.

– Да хоть с три. Не переоденетесь сами – собью вас на пол с этой проклятой коляски, сниму штаны и натяну теплые. Так же поступлю и с кофтой. А потом позову Кая, если надо, и охрану, чтобы помогли вас, упрямца, одеть, еще и к коляске прицеплю ремнем.

Она прошла мимо меня так быстро, что ветер колыхнул мои волосы. Затем дверь захлопнулась с такой силой, что я, должно быть, услышал, как посыпалась штукатурка.

Я сидел в своем кресле на том же месте добрые пять минут. И все это время на моем лице был не шок. Я, черт возьми, улыбался. Улыбался. Из-за нее в очередной раз.

Глава 11

Милана

Я разозлилась. Признаю. Не должна была врываться, требовать объяснений. Не должна была говорить в таком тоне и еще куча всего, чего я делать даже не планировала. Честно. Просто сначала он ведет себя как сволочь, затем проявляет заботу с большой... просто огромной буквы «З». А теперь я вижу его сломленного. Да, у него на лице читалось «Помоги» среди бушующей злости сидящего в инвалидном кресле мужчины, даже если упрямые и злые губы твердили обратное и даже несколько обидное.

Поэтому я не ушла. Но очень хотела. Первое, что сигнализировал мне мозг после его выступления: «Пошли отсюда, Милана. Разве не видно, что парень мудака?».

Я была с ним согласна и чертовски желала уйти. Но он мне помог. То видео гуляло по сети все эти два года. Я удаляла его, писала жалобы на эти мерзкие и порочные сайты. Но потом обнаруживала его снова то тут, то там. Это унижительно и ужасно прискорбно, ведь я не актриса взрослого кино. Я простая учительница, которая стала неудобна подонку и трусу бывшему.

Богдан был сломлен. Не только в эту секунду. Травма, которая рушит мечту, ломает душу похлеще мясорубки. Уж

мне ли не знать, только травмой выступил мой жених, вот и все. Зоя Лукьяновна была права – Богдан сильный. Но иногда броня крошится, и ты ничего не можешь с этим поделать, с кучей пепла в руках. Я видела это однажды. И видела, как моя мама, держа за руку отца, звала его с самого дна, куда он уходил, чтобы остаться навсегда. Мой папа – сильный мужчина. Но с ним рядом была сильная женщина. Не только деньги могут исцелить. Это может делать и любовь.

Я, конечно, в статус «любви» для Фетисова не баллотировалась, однако могу стать надежным плечом.

«Если заслужит». Ха.

Выйдя в коридор, собранная для прогулки, я обнаружила, что там пусто. Сначала хотела пойти и выполнить свои угрозы, но вспомнила, что ему потребуется больше времени на переодевание, чем мне. Поэтому вышла на задний двор, оставив для него вещи и вторую коляску с автоматическим управлением.

Погода была мерзкой. Это ощущение, что снег выпадет уже скоро, остро присутствовало в воздухе. Но было сыро и уныло. Хотелось бы тепла или наконец зимы, а не вот это вот все.

Потопавшись на месте, я запрокинула голову. Посмотрела в серое небо. Оглядела голые деревья, послушала редких птиц и улыбнулась. Не знаю почему, если честно. В этот момент дверь хлопнула, и из нее выкатился суровый мужчина.

Я спрятала свое настроение, которое заметно улучши-

лось, и надела суровую маску.

Подойдя к Богдану, я схватилась за ручки и покатила его вперед.

– Что ты делаешь?

Он недоумевал. Затем стал раздражаться. Я тоже это умею.

– Я спросил...

– Мой отец был прикован к кровати после страшной аварии, – сказала я быстрым темпом, направляясь к прогулочной дорожке, откуда мы уже дважды начинали наши задушевные разговоры. Этот раз не будет исключением. Мы поговорим. По-моему.

Если сначала я ощущала его сопротивление по поводу того, что я его качу вперед, то сейчас стало легче.

– Я только сдала экзамены. Брат перешел в старшую школу. В семье денег никогда не было много, но мы справлялись. Отец был тем, кто приносил большой доход, мама старалась помогать. Мы с братом хоть и были детьми, но не требовали особо ничего. Но родители умудрялись за каждую хорошо оконченную четверть поощрить. Даже если это обычный бисквитный торт с тонким слоем крема. Эти торты были самыми вкусными и любимыми.

Богдан все еще молчал, вцепившись в поручни своей коляски. А даже если бы и попытался перебить, я не позволила.

– В тот год мы наконец смогли купить новенькую семерку. Как сейчас помню то ощущение, что у нас теперь есть ма-

шина. И когда я поехала сдавать экзамены в педагогический институт, папа привез меня сам. Я сдала экзамены с первой попытки и поступила. Наступила зима. Мы готовились к Новому году. Отец поехал за город за елкой. Мы всегда ставили живую, а там один старичок продавал самые лучшие и пушистые ели. Папа позвонил и сказал, что выбрал ту самую. Мы его ждали до тех пор, пока нам не позвонили из больницы. К тому моменту мама поседела на половину головы, клянусь.

Я остановилась, не в силах идти дальше. Картинки тех дней стояли перед глазами. Как мы поехали в больницу. Как мама плакала, а до этого кричала, рухнув на пол.

– Рыжая? – донесся шепот Богдана, когда я замолчала, переживая все снова и снова.

– Он столкнулся с фурой. Водитель был в пути много дней, торопился к Новому году домой. Он уснул. Семерку скрутило так, что отец не должен был выжить. Никто даже не поверил, что папа дышит. Или что он доживет до приезда в больницу. Выжил. Полежал в коме несколько дней.

«Отдохнул», – сказала тогда мама, рассмеявшись от счастья.

– Милана... – снова попытался достучаться до меня Богдан.

– Его позвоночник был сломан, – продолжила я и опустила взгляд к мужчине, сидевшему напротив меня. – Больница сделала все, что смогла, бесплатно, остальное – только за деньги, и то не факт, что поможет. Так они говорили нам и

закрыли двери.

– Ты не обязана мне это...

– Собирали как могли, хотя бы самую дешевую реабилитацию. Но куда там. Таких денег у нас не было. Знаете, что мы делали?

– Нет, – ответил он, вовсе не обидевшись на то, что я не реагировала на просьбу замолчать.

– Интернет.

– Интернет?

– Да. Он опускал руки. Злился. Но у него были жена и двое детей.

Богдан слегка кивнул и остался в том же положении, словно и не дышал вовсе, боясь меня потревожить.

– Я понимаю ваш гнев. Но не пойму, если перестанете пытаться.

– Что сейчас с твоим отцом?

– Он ходит.

– Ходит?

– Да. С тростью и прихрамывая. Порой у него болит все тело так сильно, что мама везет его в больницу. Но это бывает очень редко, так что она научилась справляться. Едет туда заранее, если боли усиливаются с определенной периодичностью.

– Надо же, – выдохнул он облачко пара.

Я сама не до конца понимала, чем для этого вполне молодого мужчины послужит история моего папы. Но я надея-

лась, что он найдет в ней что-то.

Развернувшись, я обратилась к нему.

– Хоть вас и понимают другие, вы все же постарайтесь не обижать хотя бы близких. Потом будет неловко, я полагаю.

– Я... Куда ты? – схватил он меня за руку, когда я решила, что теперь могу уйти.

Я не обиделась на него за то, что было в спальне. Но уйти мне все равно казалось верным решением. Просто чувствовала это сердцем и душой. Я должна была сделать это, и все.

Его теплые пальцы обхватили мое запястье, и стало отчего-то тепло.захотелось даже прикрыть глаза. Он не сжимал сильно. Не давил. Я могла вырваться и сделать то, что собиралась – уйти. Но я задержалась, а он продолжал держать.

– Вы просили уйти, – ответила, все так же стоя к нему спиной.

– Нет. Прошу, останься, Милана.

Поэтому я хотела уйти, чтобы он не просил остаться, чтобы не хотелось сделать это.

Требовалось сказать короткое «Нет». Это было проще простого, потому что он бы не просил дважды. Я даже не знала, почему эта просьба была произнесена им. Этому не было объяснения. Но я не сказала: «Нет».

Я сказала:

– Хорошо.

И тогда он отпустил мое запястье, и я ушла, ощущая тепло его пальцев.

Переступив порог дома, я столкнулась с Алевтиной Викторовной и замерла.

«Что она видела?». «Что она подумала?». «Что она скажет?».

Женщина смотрела на меня все тем же привычным добрым взглядом. Меня всегда удивляла в ней эта черта. Я видела ее подруг – надменных, холодных или просто максимально абстрагированных от этого мира и простых людей. Фетисова же отличалась от них. Этим она мне нравилась, за это я ее уважала, и моя мама тоже. Но сейчас я переживала, что могла спровоцировать неприятную ситуацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.